

**Наталья
КРАСАВЦЕВА**
г. Петрозаводск

С^тояли погожие дни конца мая. Уже совсем тепло, но и не жарко, нежная, пока еще незапыленная зелень источала запахи грядущего лета, а впереди намечалось много-много погожих дней. Дочка к тому времени уже подросла, теперь Алке можно было оставить ее на несколько дней с любящим папой, а самой отправиться в Сибирь за Владиком. Она знала, что учился он только на «отлично», и если в Москве дело пойдет с таким же успехом, то можно будет со временем определить сына в какую-нибудь престижную школу с преподаванием, скажем, на английском. Затягивать не стоило, иначе ребенок отстал бы от остальных. Нина Алексеевна никак не могла или не хотела понять этих простых истин, она уже зимой, сразу после отъезда, начала устраивать дочери настоящие допросы по поводу школы, пресловутой продленки и разных мелочей, которые обязательно должны были отразиться на Владике самым негативным образом. И как он будет жить «в этом углу», когда привык к отдельной комнате, и кто положит ему яблоко в школьную сумку, кто через дорогу к школе проводит, у них ведь такой проблемы нет, школа на той же стороне, где дом, а «Владик такой рассеянный, того и гляди...». «Мама, ну это уж слишком!» — кипятилась Алка.

Она часто бросала трубку, потом перезванивала в Сибирь, и все начиналось сначала. Тем не менее стычки с матерью не мешали пребывать в прекрасном расположении духа и в ожидании перемен. Ну что делать? Мама когда-нибудь успокоится, а потом можно будет потихоньку склонять родителей к переезду. Сами рассказывают: то один из друзей тяжело заболел, то другого в последний путь проводили. В конце концов, они просто вынуждены будут принять ее условия, кто-то ведь должен на старости лет быть опорой старикам.

Алка научилась не обращать особого внимания на мелкие мамины обиды, была как никогда деятельна и уже начала подумывать о билетах, которые следовало приобрести заранее... Но однажды, придя домой после работы, няня ей со-

общила, что сосед не выходил сегодня из своей комнаты. Алка давно просила Николая Петровича не закрываться изнутри, но он по привычке не всегда выполнял ее просьбы, хорошо, догадался отдать ей второй ключ. Поковырявшись с замком, Алка попала к нему в комнату и была поражена, насколько человек может измениться всего за одну ночь. Лицо осунулось, кожа как-то потемнела, глаза были полузакрыты. Алка вызвала скорую, и его увезли в больницу.

В течение последующих двух недель Юрий через день навещал Николая Петровича. Оказалось, у соседа произошел тяжелый гипертонический криз. Он привык сам справляться с повышением давления, а тут все случилось под утро, старик постеснялся будить соседей, вот и лежал почти бездыханный до обеда один.

Когда Николая Петровича выписали домой, Алка сводила его на прием к участковому терапевту. Та, осмотрев его, вызвала в кабинет Алку.

— Вы можете подойти ко мне за рецептами, скажем, завтра или в другой удобный для вас день? — спросила доктор, пристально глядя на Алку.

— Приду завтра, — с готовностью пообещала та.

Как и раньше, врач была немногословна, к тому же торопилась идти по вызовам. Алка понимала, что теперь нужно напомнить то, о чем говорили в прошлом году. Начала Алка с ненавещающих соседа родственников, добавив, что, вот если бы жилплощадь можно было бы получить по наследству или продать, как частный дом, тогда...

— Бываем мы и в частных домах, — устало отозвалась врач, складывая в стопку медицинские карты. Стало понятно, что она прекрасно помнила, к чему ведет Алка. — Плохо, конечно, что нельзя продать комнату или квартиру. Но, поверьте мне, если и разрешат это делать, то семейных драм меньше не станет. А может, даже больше будет. Есть, конечно, и порядочные родственники, но здесь не тот случай. И потом — мы с вами, насколько я помню, принципиально все уже решили. Поэтому сразу скажу — для госпитализации вашего соседа оснований уже нет. Мы не можем безнадежных больных до конца держать в больнице. Если вы передумали ухаживать за ним, так и скажите. Тогда решать вопрос будут соцслужбы.

— Что вы! Мы готовы, — с энтузиазмом ответила Алка.

— Тогда возьмите рецепты. — Доктор протянула Алке ворох листочков.

Алка попыталась сбивчиво оправдываться, что у нее дочь, сына поселить негде. Ей не хотелось показаться слишком расчетливой в глазах участковой, но врач перебила.

— Скажите, как у вас с деньгами на лекарства, продукты? — спросила она.

— Деньги у нас есть, — с готовностью ответила Алка. — Ну... — протянула Алка, не понимая, что от нее требуется. — И я в долгу перед вами не останусь в случае чего...

— Ну что ж, — врач встала из-за стола, собираясь идти на вызовы. — Как бы то ни было, вы делаете хорошее дело. Что касается долгов передо мной... Меня учило государство бесплатно, поэтому и я никакой mzды за свою работу не беру, зарплату получаю. Рецепты вам оставлены, вызывайте, если что, — сказала она и отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

Едва Алка переступила порог дома, как Николай Петрович попросил ее зайти к нему.

— Алла Владимировна, — неуверенно начал он, — я в больнице все передумал, кое-что понял из отрывочных фраз врачей... Да и вчера рецепты эти... Вы ведь у врача были?

— Была, — ответила Алка, попутно оглядывая комнату, не надо ли чего сделать. — Рецепты забрала, не волнуйтесь.

— Да я и не волнуюсь. — Николай Петрович, тяжело дыша, попытался приподняться в кресле, но у него не получилось. — Можно сказать, повезло с вами. Спасибо за все. Но есть одна просьба. Вы не будете против, если я оформлю на вас доверенность на получение пенсии? Вам это не обременительно?

— Совсем нет, — завершила Алка. — Хорошо, пусть ваши деньги будут у нас, а вы всегда можете взять, сколько вам нужно. Я буду вести учет расходов.

— Не надо никакого учета, — Николаю Петровичу говорить было трудно. — Пенсия у меня небольшая, но на лекарства хватит. А ем я теперь совсем мало, что-то не хочется.

Глаза старика наполнились слезами. Алка тоже расчувствовалась, она помогла ему поу-

добнее устроиться в кресле и прикрыла ноги одеялом.

— Извините, Николай Петрович, — осторожно начала Алка, — вы говорили, у вас есть сын... Где он?

— Не знаю, — ответил сосед. — Связи никакой уже много лет. Да вы не волнуйтесь на этот счет, кроме меня в комнате никто не прописан. И в ордере тоже один, я ведь понимаю.

— Да что вы, — смутилась Алка и даже покраснела. — Я совсем не об этом...

— А хоть бы и об этом. Дело-то житейское. Девчушка растет, сына надо сюда привезти... Я понимаю...

Алка и в самом деле искренне сочувствовала соседу, но свой интерес, конечно, тоже соблюдала, понимая, что им с Юрием предстоит. Хорошо, что замужем, Юрию придется в скором времени и в туалет соседа водить, и мыть его в ванной, и делать прочие неприятные вещи. Сама она начала с некоторых пор прибираться у старика более основательно, вплоть до мытья полов. Ее раздражала мысль, что за стенкой ее комнаты, в которой она живет, грязь и беспорядок. Да и что вообще оставалось делать, когда у человека так сложился остаток жизни... Сказывалось также ее детство, проведенное на общей кухне. В те далекие послевоенные годы, когда народ жил бедно и радовался наступившей мирной жизни, помощь соседям по коммуналке считалась делом обыкновенным и даже обязательным. Отдельные квартиры были редкостью, жизнь большинства проходила на виду, преимущественно на общей кухне, где обсуждались семейные и политические новости, разыгрывались любовные драмы и ссоры «на всю жизнь». Общая кухня становилась ареной нешуточных баталий и безвозмездной помощи ближнему. Здесь нередко сообща справляли праздники, дни рождения и поминки. В огороженном высоким забором дворе тоже шла своя, отличная от соседнего двора, жизнь, только в более широких масштабах, чем в кухне. Кто знает, думала иногда Алка, живи она с Андреем в таких условиях, может, и развода никакого не было бы?... Тут и соседи вмешались бы, и весь двор. Глядишь, ненавистное общественное мнение и сыграло бы свою положительную роль. Но, как ни крути, сейчас незапланированные хлопоты по уходу за

Николаем Петровичем во многом осложняли Алкину жизнь и путали ее планы. Во всяком случае, пока не стоит узнавать об авиабилетах, тем более покупать их. Алка позвонила матери и рассказала о ситуации с Николаем Петровичем.

— Ваша участковая права, — ответила Нина Алексеевна. — Что-то предсказать тут невозможно. Я имею в виду не годы, конечно... Разве что месяцы. Давай поговорим о наших делах. Вот ты оставишь Дашеньку, а в это время... Или привезешь Влада, и как раз перед школой случится сама знаешь что. Думаю, придется тебе в этот раз отложить свой приезд к нам, — увещевала мать Алку. — Мы с отцом предполагали такой поворот, поэтому я договорилась с сестрой, снимем домик в деревне на месяц...

— Я так и знала! — вспыхнула и без того расстроенная Алка.

— Мы тоже знали, — спокойно отреагировала Нина Алексеевна. — И не кричи, пожалуйста. Занимайся Дашенькой, еще года нет ребенку, а ты одна на всех там. Пусть и Владик подрастет. Сама видела, не очень-то у вас получилось с совместным с ним проживанием...

Как Алке ни хотелось, но она понимала, что тут Нина Алексеевна права. Выбора у нее не было.

* * *

Начало лета ушло на обивание порогов различных инстанций. Алка выясняла, каким образом можно заполучить вторую комнату в коммуналке, когда она освободится. Самый простой вариант состоял в следующем: развод с Юрием, регистрация брака с больным стариком и прописка в его комнате. Алка всерьез раздумывала какое-то время над таким способом заполнения комнаты, даже решила рассказать о нем Юрию. Муж был категоричен.

— Неужели ты думаешь, что я способен на такую аферу! — возмутился покладистый супруг. Алка и не ожидала такой реакции. — А потом что? Снова в загс идти? С какими глазами? Ведь все белыми нитками шито!

— Подумаешь, какой совестливый! — Алке наконец удалось прервать поток нравоучений рассерженного супруга. — Да они там в своих контрактах живых готовы закопать, только закона и боятся! Пусть нитками, пусть все понятно! Ну и

что? А как комнату не давать людям с двумя детьми? Это по закону?!

— Это по закону, — кипятился Юрий. — Но у нас-то прописан пока один ребенок! А комната большая, позволяет, так сказать... В общем, что бы там ни было, разводиться я не согласен, — категорично заявил он. — Этот позор не для меня.

— Ладно, позор так позор, — нехотя согласилась Алка. — Придется искать другие пути.

Когда наступили совсем теплые дни, Юрий по настоянию Алки укрепил во дворе бельевую веревку. Теперь и соседи знать будут, кто ухаживает за Николаем Петровичем. Именно во дворах шли разного рода пересуды, соседи зорко наблюдали за событиями, происходящими в разных квартирах. Алка не раз слышала обрывки фраз, отдельные слова, и всегда звучало недоверие, неприкрытое недоброежелательство по отношению к их семье. Можно было подумать, что «порядочные» соседи упустили бы свой шанс, будь они на ее месте. Алка уже многое узнала относительно «в случае чего», многое предусмотрела, а главное — в процессе хождений по инстанциям познакомилась с человеком, который твердо обещал оказать помощь и содействие. И вот тот самый «нужный человек» предложил Алке деловую встречу в ресторане. Алка долго думала, соглашаться или нет. Двух мужей и неудавшегося районного воздыхателя было вполне достаточно для удовлетворения женского тщеславия и любопытства. Пожалуй, других чувств она к мужчинам и не испытывала. «Наверное, увлечения и любовь не в моем характере, — думалось ей иногда. — Вспомнить есть о чем, посмеяться тоже. Но здесь-то обычная необходимость, и какая разница, муж или нет...» Понимая, что грех терять поддержку в лице нового знакомого, она почти согласилась, но разными путями откладывала встречу. Кавалер, надо признать, поначалу особенно и не настаивал — от дам у него отбоя не было. Он знал себе цену не только как могущественный помощник в решении жилищных проблем, но и как обаятельный, еще не старый и в меру образованный мужчина. Что-то читал, что-то смотрел, анекдоты любил приличные и прекрасно их рассказывал. Пока его отношения с симпатичной и умненькой Алкой складывались вполне в рамках, ей можно было до определенного часа ни о чем не думать.

Когда Алка вроде бы успокоилась и вновь стала раздумывать, не забрать ли ей Влада в Москву, последний месяц лета шел к концу. Она прикинула, что определиться со школой можно было бы за короткий срок. Но вдруг случилось то, чего ждали. Однажды днем Николай Петрович как-то затих, черты лица его заострились — он стал не похож на себя, но еще едва дышал. Алка вызвала врача. Участковая посоветовала сегодня не оставлять соседа одного — он угасал. Свой последний день Николай Петрович прожил тихо. Алка с нетерпением ждала Юрия с работы, то и дело поглядывая в окно, и облегченно вздохнула, когда он переступил порог квартиры.

— Похоже, сегодня все закончится, — испуганно сказала она. — Я не могу... Ты мужчина, посиди с ним...

Похоронили Николая Петровича скромно, но все сделали как положено. Деньги, оставшиеся у Алки от его пенсии, оказались очень кстати. Дома в кухне с соседкой немного помянули Николая Петровича. Алка позвала ее не просто так, а чтобы мимоходом намекнуть, что освободившаяся комната долго пустовать не будет. Соседка сухо заметила, что и так давно поняла, к чему дело идет, и что у нее таких возможностей, как у Аллы Владимировны, нет и быть не может, иначе она тоже могла бы досматривать Николая Петровича. На этом воспоминания о Николае Петровиче закончились, все разошлись по своим комнатам.

Наступало время борьбы за квадратные метры. Впереди ожидала изнурительная война с представителями различных ведомств, которые имели право отклонять или разрешать проблемы расширения жилого пространства. Для начала Алка попросила мать прислать справку о месте проживания сына, так легче отбивать удары «противников» — дети разнополые, и семья не может объединиться лишь потому, что в одной комнате с двумя детьми жить невозможно. Несмотря на то что некоторая часть документов была подготовлена заранее, хождение по инстанциям в общей сложности длилось почти до зимы. Предусмотрительная Алка вымеряла каждый шаг, прежде чем приступить к очередному этапу в неравной схватке за жилье. Без доброежелателя не обошлось — пришлось и в ресторан с ним схо-

дять, и наведаться в его шикарную квартиру, пока благоверная была в санатории... Там и решился окончательно главный щекотливый вопрос... После этого Алка дала понять кавалеру, что развлеклись и хватит, а их супругам знать об истории на стороне нет необходимости. Джентльмен все понял, но, как человек воспитанный, помогал Алке до победного конца. Былого рвения, однако, не проявлял, но и не настаивал на продолжении связи. «Хоть с этим повезло, — радовалась Алка, — все же не такой идиот, как поселковый дыхатель!» Юрий о чем-то подозревал, так как Алка была неласкова и раздражительна. «Устает», — решил он и стал благоразумно дожидаться развязки квартирных баталий. «Стоит ли такой беготни и отсутствия интимной жизни эта комната! Будь она неладна», — выходил иногда из терпения Юрий, однако понимал, что обратного пути нет и что надо довести начатое до победы.

Наконец измученная Алка получила долгожданный ордер на две комнаты. В документе теперь значились трое: Юрий, она и Дашенька. Все, кроме Влада, который пока не имел московской прописки.

— Вот что значит Москва! — ликовала счастливая Алка. — Не провинция! Это у нас каждый сантиметр просчитан, никакие связи не помогут. В Москве не так. За каких-то полгода здесь можно многого добиться, если не останавливаться на полпути и руки не опускать!

— Ты это про какие связи упомянула? — настоятельно полюбопытствовал Юрий.

— Да так, к слову пришлось, — не моргнув глазом, отмахнулась Алка. — Просто знаю, что говорю, не маленькая, разные истории рассказывают о квартирах. И ничего-то люди не добиваются. Если в квартире метраж позволяет ютиться вместе с родителями, то для обыкновенного смертного пути закрыты. В Москве все-таки проще. Давай отметим завершение эпопеи в ресторане.

Вечером в ресторане к хорошенькой Алке было приковано внимание и мужчин, и женщин. Она мало изменилась с тех пор, как они с Юрием поженились. Кто бы мог подумать, что эта миниатюрная моложавая блондинка мать двоих детей! Казалось, что очень даже неплохо выгля-

девший Юрий рядом с женой и не муж вовсе, а поклонник, старший по возрасту. И когда она успела соорудить прическу, подобрать какие-то украшения к модному костюму?.. Он и не заметил, когда она сшила этот костюм, туго облегавший ее стройную фигурку. Юрий немного опьянел и наслаждался вниманием окружающих, направленным на законную супругу, такую желанную и привлекательную.

— Надеюсь, сегодня ночью ты придешь не к Дашутке, а ко мне, — прошептал он после тоста «за любовь».

— Ну, хорошо, — смилостивилась Алка. — Приду. Только в форме будь, не увлекайся, — она метнула упреждающий взгляд на бутылку с коньяком.

— Да что ты! — счастливо засмеялся Юрий. — Ради такого случая не прикоснусь больше!

* * *

Понятно, что и во второй класс Влад пошел за руку с бабушкой. Нина Алексеевна снова согласилась привезти его на зимние каникулы в Москву. Поскольку комната теперь уже бывшего соседа находилась пока в полном беспорядке, всем, как и в прошедшем году, предстояло жить впятером в одном помещении. Зато Нина Алексеевна могла оценить по достоинству усилия напористой дочери, порадоваться ее победе в боях за жилплощадь. Но тут же она напомнила Алке, что слишком часто оставляет отца одного, лучше бы дочь приезжала к ним, потому что Дашеньке пошел второй год и Юрий вполне мог бы справиться с ребенком один.

— Ну вот, — огорченно заметила Алка, — внука, которому уже девятый год, ни на шаг от себя. А с маленькой Дашкой и Юрий справится!

— Не обижайся, — спохватилась Нина Алексеевна, — твой муж молодой, а нам, старикам, одного ребенка на двоих хватает.

— Так оставляй его! Как отремонтирую комнату, будет один в ней, как король!

— Что ты! — испугалась любящая бабушка. — В середине учебного года? Дай хоть второй класс окончить спокойно. А насчет дальнейшего еще поговорить надо...

Алка предполагала, о чем пойдет речь, но виду не подавала.

— Не совсем понимаю, — пожалала плечиками она.

— Что же здесь не понимать? — покачала головой мать. — Ты устала, а комната Николая Петровича в каком виде? Сколько десятилетий не ремонтировалась? Там ведь надо стены и потолок штукатурить заново, пол менять... Ты хоть представляешь, что это такое?! Даже после окончания второго класса не пушу Владика в этот хаос, — уверенно заявила Нина Алексеевна. — Вам на год возни хватит с комнатой этой, да плюс работа, да еще ребенок маленький. Снова за занавеской вместе с Дашенькой будет мой мальчик жить? И здесь же уроки готовить? А ведь он очень способный. Ему условия для учебы необходимы! Так что мое решение на этот раз твердое, обсуждать нет смысла.

Возмущенная Алка изо всех сил сдерживала себя, чтобы не сорваться:

— Мама, но ребенок-то мой... — возразила она.

— Нам с тобой трудно сказать, чей Влад, — слова Нины Алексеевны больно резанули по сердцу. — Но если у него спросить, он ответит, сама знаешь что...

— Знаю, — отозвалась дочь. Не выдавая своих чувств, добавила примирительно: — Ладно, посмотрим. Может, мы к осени и справимся с ремонтом.

Не справились. Алке хотелось сделать хороший ремонт в комнате, чтобы в ближайшие годы переделывать ничего не пришлось. Покупались дорогие материалы, нанимались рабочие, требовавшие приличную оплату, что-то Алка с Юрием сами делали. Мебель новая понадобилась, а это тоже непросто — ее необходимо было или доставать через знакомых, или записываться на улице у мебельного магазина, желательно с пяти часов утра, а потом отмечаться еженедельно. Конечно, можно было приобрести небольшой гарнитур отечественного производства и попроще, но не то это, не по Алке.

* * *

Как и в прошлый год, Нина Алексеевна привезла Владика на зимние каникулы в Москву. Комната к их приезду была всё еще не готова, поэтому снова гнездились впятером в одной.

Когда проводили сына с бабушкой домой, Юрий, видимо, давно размышлявший на этот счет, за ужином в тесном закутке неожиданно для Алки предложил:

— А если нам поменять наши две комнаты на отдельную квартиру где-нибудь подальше от центра?

— Ни в коем случае! — утомившаяся от очередных проводов Алка мигом всполошилась, забыв о еде. — Это почему же ты, коренной москвич, вместе с законной женой и детьми должен жить где-то на задворках, в то время как приезжие без мужей и специальности останутся в центре?

— Ну... зато прекратятся наши хождения по инстанциям, — умиротворенно пояснил Юрий, позвякивая вилкой, — и я наконец смогу спокойно отдохнуть после работы. И у нас будет кухня — целая кухня!

— А дети? Они растут. Кто с нами, а кто и без нас, — Алка испытующе взглянула на Юрия. — Не успеешь оглянуться, как Дашенька в садик пойдет, а Владу вообще в скором времени отдельная комната понадобится!

Юрий замолчал. Он почему-то именно сейчас вспомнил, как несколько лет назад договаривался с друзьями отправиться побродяжничать куда-нибудь на Алтай, где никто из них еще не был. Юрий представил себе палатку человек на пять-шесть, запахи алтайских трав... Даже вилку выронил.

— Что с тобой? — жена недовольно смотрела на него. — Ты где витаешь?

— Да я так, извини, — спохватился Юрий, поднимая с полу вилку. — Просто задумался.

Он нехотя ковырялся в тарелке, уже не чувствуя вкуса еды. В голове поселился Алтай! Лето, горы... Да мало ли в стране незнакомых таинственных уголков! Только на этих неизведанных тропях и можно отдохнуть душой, а вечером вытянуть усталое тело на надувном матрасе, закутаться во что-нибудь теплое и уснуть, не просыпаясь, до самого утра. Вокруг друзья, шорохи леса, горное эхо, убаюкивающее дыхание воды, а может, и шум дождя... Юрий представил, как крупные капли стучат по крыше палатки или зимовья... Вилка снова упала на стол.

— Что же это такое в самом-то деле?! — Алка уже сердилась.

— Нет, ничего, я наелся уже...

— Так клади вилку как следует! — вспылила Алка. — И так звону разного хватает. Дочка спит. Вымой, пожалуйста, посуду, я к Дашке пойду.

Натирая до блеска тарелки, Юрий, вернувшись к действительности, вдруг осознал, что за прошедшие три года ситуация в его жизни изменилась в корне. Как он мог размечтаться! Никуда он не поедет, ни в следующее, ни в какое другое ближайшее лето, потому что есть Дашка. Ремонт в разгаре, во время отпуска придется потрудиться. Алла не сможет без него одна, она наверняка что-то еще придумает, ей надо будет куда-нибудь ходить, а возможно, и ехать, что-нибудь выбивать, требовать, доставать. Юрий улыбнулся, представив милое личико Дашки. Хорошо, что она есть на этом свете, такой ослепительный тонкий лучик, пробившийся сквозь пространство двух комнат и многих стен, за которыми сидят разные важные люди и от которых зависит очень-очень многое, только не то, что составляет едва ли не самое главное в его судьбе, — возможность ощутить легкое дыхание Дашки или почувствовать нежное тепло ее ладошек.

* * *

Вот и третий класс сын заканчивает. Похоже, что и ремонт к концу идет. Дашку можно в садик определить — осенью три года исполнится. Зимой Алка сама навестила сына и родителей. А вернувшись в Москву, сразу же стала искать «хороший» садик. С помощью знакомых такой садик найти удалось, то есть вписаться в так называемый «ведомственный». Ведомство приплачивало воспитателям небольшие деньги к заработной плате «за посещаемость». Проще говоря, чем меньше болели дети простудными заболеваниями, тем выше становилась доплата. Именно поэтому в Дашкином детсаду зимой не проветривали спальни перед самым тихим часом и дети не ложились спать в холодные кровати. После прогулки воспитатели и няни передевали вспотевших ребятешек в сухие кофточки так же в заранее проветренном помещении, а не закрывали форточки непосредственно перед приходом детей, как это практиковалось повсюду. Поэтому простудные заболевания были здесь

не часты, если не считать детей, особо расположенных к ним. Общительная Дашка с удовольствием посещала садик и в этом случае тоже совсем не походила на маленького Влада, который долго не мог найти себе друзей, дичился воспитателей и только с бабушкой был спокоен и общителен.

Разговор о переезде Влада в Москву стал почти семейной традицией, которой, похоже, приходил конец. Ремонт остался позади, и Алка совершенно определенно договорилась с матерью — Влад пойдет учиться в четвертый класс в Москве. Нина Алексеевна согласилась привезти его и заодно самой пожить весь август и начало сентября у дочери, «чтобы ребенку было легче привыкнуть к новой обстановке».

Все складывалось совсем неплохо, но мечта о всей квартире не оставляла Алку. Уж теперь-то совершенно необходимо прописать Влада в Москве, тем более что щекотливые вопросы с Андреем с помощью Нины Алексеевны принципиально были решены. Не очень получалось одно — отношения с соседкой никак не выстраивались. Времена менялись, во всяком случае в Москве. Люди какими-то окольными путями, а то и вполне по закону умудрялись приобретать если и не квартиры, то комнаты в дополнение к своей жилплощади. На четверых членов семьи у Алки квадратных метров хватало. Но вот если учесть то, что дети разнополые, то хоть какая-то возможность для расширения жилплощади должна все-таки существовать?.. Пока Влад еще оставался с бабушкой, необходимо было заранее переговорить с соседкой, узнать, как она настроена.

Алка в милом стеганом халатике хлопотала над ужином, в комнате витал аромат вкусной домашней стряпни. Когда в кухонный закуток заглянул Юрий, Алка кратко поделилась с ним некоторыми размышлениями по завоеванию всей квартиры. Он протянул неуверенно:

— Ну, не знаю. Мне кажется, соседка вполне ничего. Нескандальная, ведут себя с дочкой тихо. Что еще надо для нормального соседства?

Алка, сосредоточенно нарежая овощи для салата, нахмурилась:

— Ты правильно говоришь: тихая, нескандальная. Дочка растет, тоже девочка неплохая. Но

ведь они абсолютно ничего не делают по уходу за общей жилплощадью.

— По-моему, у нас все более или менее ничего... — попытался возразить Юрий.

Алка тут же вспыхнула, отложив в сторону нож:

— Это по-твоему! Ведь ты видишь всегда убранную кухню, чистый туалет, ванную. А кто это делает?! В их представлении убрать общие места — это повозить пять минут грязной шваброй по полу и все. А плита?! Люди понятия не имеют, что плита не печка, что ее надо чистить после каждой жарки мяса или чего-то там еще! Да и печку в деревне белят время от времени. В общем, надоело все это, — к концу тирады пылу у Алки чуть поубавилось.

— Я понимаю, — примирительно согласился Юрий. — Только опасаясь, как бы эти бои за всю квартиру не превратились в навязчивую идею...

Алка снова закипятилась:

— А чем плоха такая цель? Вот скажи! И вообще, что главное в жизни? В первую очередь — жилье!

— А я думал, работа по душе, семья... Ну и жилье, конечно, только вот без жертвоприношений, — добродушно улыбнулся Юрий, пытаясь снизить накал страстей.

— Да, ты прав! Все это верно. Но согласись, какой может быть мир в семье и удовлетворенность работой, если нет нормального жилья! — Тут Алка театрально развела руками, будто жизнь без целой квартиры вот-вот рухнет.

— Хорошо, хорошо, пусть будет так, — кивнул Юрий. — Раз не можешь без борьбы, я готов помогать тебе в уборке общих мест, а там видно будет.

— Давно бы так, — заметила Алка, добившись своего. — Куда ты теперь денешься... Хочешь или нет, а помогать придется. Кстати, давно тебя спросить хотела, ты имеешь представление, как и где питаются твои друзья? Они так хвалят меня за мои застолья, что порой даже неловко становится.

— Имею, конечно. В столовой обедают, а в гастрономе покупают на ужин что-нибудь.

— Я так и знала, — торжествующе отозвалась Алка, укладывая резаные овощи в красивый салатник. — У тебя на столе всегда домашние котлеты, салат, выпечка — и всё я сама. Но ты не ценишь! Не понимаешь в отличие от сослуживцев своих!

— И в самом деле, я как-то не подумал, — снова торопливо согласился Юрий. — Давай действуй, я всегда «за». А все приготовленное тобой и в самом деле не идет ни в какое сравнение даже с рестораном, — польстил он жене.

— Вот если бы еще и кухня моей была... — мечтательно протянула Алка. — Сколько времени освободилось бы у меня!..

— И ты за это свободное время еще что-нибудь придумала бы! — Юрий довольно рассмеялся, но тут же и замолчал, поймав на себе обиженный Алкин взгляд.

— Не буду, не буду, — он обнял ее.

После ужина, заручившись поддержкой мужа, Алка стала искать подходы к соседке. Улучив удобный момент, она задержала ее на общей кухне.

— У меня есть кое-какие сбережения, — начала Алка издали. — Если бы ты согласилась, я помогла бы тебе перебраться в другую, хорошо отремонтированную комнату в другой коммунальной квартире.

— И как вы думаете это сделать? — соседка была крайне удивлена, еще не совсем понимая Алкин замысел.

— Пока не знаю, — уклончиво ответила Алка, многозначительно улыбнувшись, — но выход всегда найдется.

— Для вас найдется, — ответила соседка с явной издевкой, — а для меня нет.

Она наотрез отказалась от каких-либо переселений. Покупать и продавать жилье не разрешалось, а на противоправные действия женщина ни в какую не соглашалась. Алка убеждала ее, что знакомые сделают все честь по чести, но напрасно.

— Я не понимаю, — удивилась в конце беседы соседка, — зачем мне это? Чтобы потерять то, что есть? У меня ведь уже и другая работа, не такая грязная, как я начинала, дочь подросла. Вы хотите, Алла Владимировна, чтобы я добровольно лишилась всего?

— А почему ты вообще здесь оказалась? Почему дома не жилось? — впервые поинтересовалась Алка.

Поколебавшись, женщина призналась:

— Муж бросил. Все в одном селе, не так далеко от Москвы. Пересуды, сочувствие... А здесь меня

никто не знал. В большом городе легче устроиться и затеряться. Там я на ферме работала. К тяжелому труду не привыкать, поэтому и закрепились.

— Не поверю, что так просто все у тебя вышло. Наверняка помогал кто-то, ты ведь привлечательная.

— Я не из таких. Когда соглашаешься убирать общественные туалеты, помощники не нужны.

— Понятно, — с сочувствием вздохнула Алка, но тут же строго добавила: — И все-таки нам надо решать проблему с чистотой в квартире, я устала от вас обеих. Дочь такая же неряха, как ты!

— Я стараюсь, — спокойно отозвалась женщина. — И потом — вам очень хочется быть здесь полной хозяйкой. Вы ведь этого и не скрываете... Почему именно я должна куда-то уходить? Из-за того, что вам тесно? Так мне с выросшей дочкой тоже хотелось бы вторую комнату иметь. Но этого не будет никогда. А закон пока на моей стороне!

Алка нервничала.

— У тебя ведь есть родня в деревне, дом, наверное. Придет время, и ты вернешься туда, дочка-то растет, мужа в вашу комнатушку приведет...

— И какую пенсию я получу в деревне? Нет уж! Пусть ищет мужа с жильем. Как вы, Алла Владимировна. В общем, не о чем больше нам с вами говорить. Сытый, как говорится, голодному не товарищ.

Терпение у Алки быстро иссякло, мимолетная жалость тоже:

— Хорошо, вернемся к общему порядку. Ты, наверное, видишь, какой должна быть плита, на которой мы готовим, унитаз и раковины положено мыть ежедневно...

Соседка уже возилась с кастрюлями и стояла к Алке спиной. Не поворачиваясь, она хмуро заявила:

— Меня устраивает так, как делаю я. Пусть каждый поступает по-своему.

Алка поняла, что этот номер не проходит. На комнату в другом районе никто согласие не даст. А как хорошо бы вышло! Она сумела бы добыть гораздо большую комнату для соседки в каком-нибудь хорошем общежитии, отремонтировала бы ее... Не получается. Однако выход какой-то все равно должен быть. Но какой? Неплохо бы с Ларисой посоветоваться.

* * *

Тем временем в стране веяло чем-то новым... Наблюдательная Алка не заметила этого не могла, но и не могла понять, что же именно меняется. Это новое совсем не напоминало времена ее молодости, студенческие шестидесятые, когда в университетской библиотеке стояли в очередь, чтобы прочитать в журнале солженицынский «Один день Ивана Денисовича». Нет-нет, надвигалось что-то совсем другое, гораздо более интересное, заманчивое, это что-то будоражило, вселяя неясные надежды в сердца добропорядочных обывателей.

Когда в очередной раз Алка встретила в кафе с подружкой, Лариса подтвердила — да, какие-то изменения грядут, на кухнях всюду об этом толкуют. А вот что касается самой Алки, то Лариса сказала, что совершенно точно в столице растет спрос на репетиторов по русскому языку, увеличивается количество студентов-иностранцев, да и разных специалистов, приезжающих из-за границы, тоже прибавляется. Учебников по этой теме практически нет, то есть даже и не учебников, а пособий, помогающих освоить русский язык тем, кто начинает его изучение. Поэтому ей, Ларисе, и некоторым другим заинтересованным педагогам, знающим практическую сторону дела, предлагают принять участие в издании небольших методических пособий, за что обещают неплохо платить. А еще Лариса пообещала порекомендовать для этой работы и Алку.

Алка была польщена такой перспективой, но тут же призналась:

— Я бы с удовольствием — ты знаешь. Но мне нужны не просто деньги... Соседке хочу купить квартиру. Нужны большие деньги, — и неуверенно спросила: — Может, знаешь, как попасть на работу за границей?

Лариса внимательно посмотрела на Алку, понимая кивнула и ненадолго задумалась.

— Есть у меня кое-какие связи... — произнесла наконец она. — Хотя знаешь, ведь можно и без них. Я в свое время через военкомат спокойно устроилась на работу в Германию. Не по специальности работала, но знание языка помогло здорово. И деньги на жилье появились, хотя лишь на начальный взнос на кооператив. Потом

уже в Москве зарабатывали, да я тебе всю эту историю рассказывала уже.

— Помню, — с готовностью подтвердила Алка, глаза ее загорелись. — И про военкомат знаю, но на это время уйдет. Может, поинтересуешься, как бы побыстрее устроиться куда-нибудь. Пока Влад еще маленький, хотелось бы его хотя бы в четвертый класс здесь оформить. Мама его привезет. Думаю, согласится пожить у нас с годик, раз на пару месяцев уже договорились.

Через несколько дней Лариса позвонила подруге и рассказала, что по своим связям узнала о работе за границей. На ближайшее время для Алки складывалась не совсем благоприятная ситуация, так как в Европе найти что-то денежное, да еще в короткий срок, оказалось довольно сложно. На данном этапе хорошие предложения шли мимо «простых смертных». Но можно подыскать и другие варианты, Индия, к примеру. Платят неплохо, страна интересная, сплошная экзотика, но не без трудностей местного быта. Это, естественно, придется преодолевать и терпеть. Алка, не медля ни минуты, сразу же согласилась. Тут же обговорили вопросы отъезда, визы и прочего. Счастливая, она летела домой как на крыльях. И здесь случилось непредвиденное — совершенно неожиданно воспротивился Юрий.

— Я остаюсь, — заявил он. — Поезжай одна, я согласен.

— Но ведь я замужем, пойми! — взмолилась Алка. — Это огромный плюс для начинающего работать за границей, — Алка пыталась уломать мужа пока что мирным путем. — И потом подумай, сколько я заработаю одна и сколько мы вместе! Столько сил на все потратила, сына вижу от случая к случаю, и все это ради семьи! Ты прекрасно знаешь, что без тебя устроиться гораздо сложнее. Мне что, развестись с тобой? — сообразила вдруг она. — Может, и возьмут разведенную, но жену без мужа — очень проблематично. И потом — разве ты не хочешь заработать? Или тебе достаточно твоих копеек на столь распрекрасной работе? Без труда найдешь потом такую же!

— Не найду, — упрямылся Юрий. — Я к коллективу привык, и работа нравится. А что денег касается, так знала, за кого выходила!

— Ах вот как мы заговорили!.. — Алка еле сдерживала себя. — И это после стольких лет совмест-

ной жизни! — по щеке поползла предательская слеза. — У тебя дочь, наконец, растет! Нужна ей комната или нет? Или она с Владом, который намного старше ее, будет расти, как в коммуналке. Не успеешь оглянуться, как к нему одноклассники приходиться начнут, а Дашке куда деваться?

— Знаешь, чем взять меня! — не сдавался муж. — Ну и что? Я уж говорил тебе — сколько детей выросло и не в таких условиях! И ничего, люди стали!

— Ты еще бараки послевоенные вспомни, — съязвила Алка, быстро смахнув непрошенные слезы. — Без заграницы у тебя остается перспектива существовать в одной комнате с Дашкой, а в другой в таком случае буду жить я с Владом. В общем, думай, — Алка молча занялась домашними делами.

Юрий помрачнел. Такая перспектива его совсем не радовала. Наблюдая за бурной деятельностью жены, он нимало не сомневался в том, что ее угрозы не окажутся пустыми словами. Хотя... Был в этом всем и плюс. Будучи еще не женатым на Алке, с рюкзаком за плечами Юрий прошагал немало дорог. Позже он не раз рассказывал жене о разных приключениях в походах «по неизведанным тропам». Алка слушала внимательно, но при первой возможности выразила свое категорическое мнение — она никогда и ни при каких условиях в его скитаниях участия принимать не будет. Когда дочка подросла, пару раз Алка разрешила Юрию с его закадычными друзьями посетить какие-то озера и болота, откуда они, совершенно измотанные, еле выбирались. Но когда дурные воспоминания теряли силу, Юрия вновь тянуло «к необжитым местам», посетить которые пока не пришлось. Но Алка была непреклонна: «Больше никуда не поедешь и не пойдешь, не хочу раньше времени остаться вдовой». И вот — Индия. Другой мир, океан, джунгли!.. Может быть, и стоит?..

— А как с детьми?.. — уже неуверенно спросил Юрий у молчавшей Алки.

— Это моя забота, — Алка приободрилась, почувствовав, что он в раздумье. — Ты пока с начальством поговори. Возможно, они по возвращении примут тебя обратно.

— А как же твоя работа? — сомневающийся Юрий постепенно сдавал позиции.

— Разве она много дает мне? Я просто уволюсь,

— как будто бы беззаботно отозвалась Алка. Ответ был приготовлен заранее. — Не волнуйся, кое-какие соображения относительно другой работы у меня есть.

Юрий обреченно вздохнул. Что тут скажешь, все предусмотрено. Алке оставалось преодолеть основной рубеж — договориться с Ниной Алексеевной относительно детей. Без ее согласия планы не реализуются. Она исподволь начала настраивать мать на возможные перемены. В конце концов, Нина Алексеевна попросила дочь прямо сказать, без намеков, что она задумала. Алка отметила про себя, что зародила в душе матери некоторые сомнения, теперь легче к делу перейти. Выслушав Алкину историю о работе в Индии, мать, как и следовало ожидать, сначала категорически отказалась. Алка не стала спорить, тактика была продумана. Она стала почти каждый день звонить матери и как бы между прочим напоминать, что время проходит, а ничего толком не решено, и главное препятствие во всем мероприятии — Юрий. Такой поворот темы сработал. Нина Алексеевна заинтересовалась, почему это зять, который мало зарабатывает, не соглашается на выгодное для семьи предложение. И почему бы ему не поехать вместе с женой? Почувствовав слабину, Алка в подробностях и терпеливо объяснила Нине Алексеевне, в чем суть совместной поездки.

— Не люблю я твою Москву, — вдруг тихо прервала ее мать. — Целый год пробыть у тебя... И народу у вас тьма, и вода невкусная...

— Мама, ну при чем здесь вода? — удивилась Алка. — Можно подумать, что твоя ангарская вода единственный повод, чтобы не пойти мне навстречу!

— Да нет, не единственный, — помолчав, отозвалась мать. — Как же мне отца оставить одного? Я уж говорила, что прихварывать начал, а год, сама понимаешь, в нашем возрасте срок немалый...

— Так пусть наконец на пенсию выходит! — не дослушав мать, с энтузиазмом предложила Алка. — Сколько можно работать! И потом, если уж что-то серьезное случится, то разорвем еще не оформленные контракты и ты улетишь к нему. Вам же тяжело с Владиком. Вот и побудет он здесь с тобой не месяц-два, а целый год, скорее привыкнет к столице, к новой школе. Ему же

лучше будет. У меня уже есть нужные знакомства, будет хорошую школу посещать...

Алка почувствовала, что мать давно колеблется, и необходимые аргументы наконец-то найдены, остается дать время, чтобы Нина Алексеевна вроде бы как сама приняла верное решение.

Кропотливая работа с Ниной Алексеевной постепенно давала свои результаты. Алка чувствовала, что под ее убедительными доводами мамины позиции постепенно ослабевали. В срочном порядке она принялась оформлять необходимые документы. И вот Нина Алексеевна уже в Москве. Владик устроен в хорошую школу, всего в нескольких автобусных остановках от дома, Дашенька посещает садик, в помощь Нине Алексеевне нанята молодая женщина. Наконец Алка с Юрием, проводив сына в четвертый класс, улетели в Индию.

* * *

Через полгода, выбив всего на несколько дней отпуск, Алка откровенничала с подругой, приехавшей в Москву по делам.

— Знаешь, Надя, вроде бы читали об Индии, фильмов разных насмотрелись... Но пока не увидишь своими глазами чужую страну, лучше о ней не судить совсем, — делилась впечатлениями загорелая Алка. — Здорово, что мой отпуск совпал с твоим приездом! Но как подумаю, что еще столько же в этой Индии торчать... Хотя интересного немало, даже Юрий доволен. А впрочем, что ему? Он и в палатке на сырой земле превосходно себя чувствует, лишь бы другие края увидеть.

— Он с тобой? Тоже в отпуске? — отхлебнув настоящего индийского чаю, спросила Надя.

— Естественно. Ну, как тебе у меня? — сменила тему Алка. — Есть изменения?

Надежда уже успела оценить, сколько диковинных вещей привезла Алка.

— Экзотика, а не квартира. Ты вообще-то писала, что на заработки поедешь... Но, послушай, зачем эти слоники с собаку величистой? Столько места занимают!

— Просто нравятся. А места в скором времени будет больше, иначе зачем вся эта поездка... — намекнула Алка, ни на секунду не забывавшая о

главной своей цели. — И потом разве одни слоники? А маски? А зеркала?

— Это уж точно! Красиво у тебя стало. Одни зеркала в прихожей чего стоят, — с неподдельным восторгом продолжала Надежда. — Никогда не видела таких огромных! Это модно так, да? Гляжу, и ремонт свежий? И когда успеваешь, неужели за время отпуска?

— Конечно. Наняла людей, и все, — деловито пояснила довольная похвалой Алка. — При наличии денег можно многое быстро сделать. Надеюсь, в мое отсутствие все останется целым и невредимым. Теперь, думаю, соседи не станут упираться, отдельную квартиру-то только от меня и могут получить. Я говорила, зачем еду. Так вот в этом случае соседка не спорила — законно, незаконно. Кто не согласится на такую халяву!

— Ладно, не ругай ее, она ведь не настаивала. Я-то поняла из твоих рассказов, что действительно заработать в Индии можно неплохо.

Алка согласно кивнула.

— Конечно, иначе зачем ездить в такую даль. Кстати, я и на продажу кое-что привезла, — она многозначительно помолчала. — Правда, уже почти всё раскупили, но тебе подарок оставила! А давай попробуем и тебя устроить! — осенило вдруг Алку. — Заработаешь, квартиру купишь.

Надежда покачала головой:

— Не получится. Или квартира, или диссертация, которая уже готова. Защита скоро, волнуясь. Вот такие дела. Ну, расскажи лучше, как там, в Индии... Я ведь ненадолго, завтра уезжаю.

— Всего хватает, — начала Алка. — Воду, к примеру, кипятим по нескольку раз, прежде чем чай пить, — она кивнула на изящную расписную чашку. — Так советуют сами индийцы. Кастовая система сильна, кажется, живешь в древние времена. Нищета. Много поражает, всего не рассказать. А дворцы, а библиотеки с древними манускриптами! Обалдеть можно! Давай так, — спохватилась Алка, — я буду ужин готовить и по ходу рассказывать, дам маме передышку. После ужина еще вдвоем посидим, у меня и открытки есть, и кое-что из литературы. Мы даже в Бомбее были. Ой, скоро Влад из школы придет, увидишь, какой стал! — Алка надела фартук. — Начальную школу оканчивает. Осенью уже в пятый пойдет.

— А как он сейчас? Раньше ему не нравилась Москва...

— Теперь другое дело. Большой уже. Понял, что к чему. Вот мама только... Ждет нашего окончательного возвращения, устала она. И ждет, и боится с Владом расставаться. Все-таки надо родителям сюда перебраться, они уж и сами понимают, что в старости жить одним плохо. Брат, правда, к себе зовет, он давно в Красноярске с семьей. Родителям Сибирь больше по душе, но мама очень к Владу привязана, в общем, пока не знаю, что из всего этого получится.

— А что отец? — спросила Надя.

— Он говорит, где родился, там и пригодился. Не хочет никуда. Еще говорит, здесь, мол, все близкие похоронены, здесь и я останусь, в общем, «не нужен нам берег турецкий»!

— А что, — задумчиво отозвалась Надежда, — может, он и прав. Я вот тоже не представляю себя в другом месте. Путешествовать — пожалуйста, а жить — только у себя дома.

— Ну, каждому свое, — примиряюще заметила Алка.

За разговорами время летело быстро, и через полчаса в квартире витали ароматы блюд, одобренные индийскими пряностями. Тем временем бабушка привела из садика внучку.

— А вот и Дашенька! — воскликнула Алка. — Как я скучаю по тебе, радость моя!

Она нежно прижала малышку к себе. Девочка, похожая на обворожительных младенцев, которых изображали на старинных открытках, не сопротивлялась. Потом из спортивной школы явился Влад. Подросший, деловитый, ершистый. В столичной школе он, как и дома у бабушки, учился на «отлично», успевал спортом заниматься и рисовать в студии при Дворце пионеров.

Алка позвала всех к столу. Владик устроился рядом с бабушкой и, казалось, Юрия не замечал совсем. Но это заметила лишь наблюдательная Алка, в остальном же вечер прошел в дружелюбной обстановке. За вопросами и рассказами о далекой Индии время пронеслось совершенно незаметно.

* * *

К концу контракта на работу в Индии Алка поняла, что до самой заветной цели одной поездки недостаточно. Может быть, даже и потому, что ей не хотелось весь заработок пустить на

кооператив для соседки. Слишком много соблазнов оказалось. Тут и одежда, и посуда, и даже небольшие предметы интерьера, в которых отказать себе не было никакой возможности. Так, Алка купила дорогущее легкое кресло-качалку в восточном стиле с отделкой ручной работы. Вроде все необходимое дома имелось, но теперь, даже при небольших деньгах, хотелось больше. Вот если бы еще одна поездка, тогда денег и на скромный кооператив хватит, и на разные разности останется!.. Ну что ж, не привыкать. Зато квартира практически в центре столицы будет ее!

Вот только родители... Даже не загадывая на годы вперед, без мамы на время еще одного года работы за границей снова не обойтись. Алку несколько беспокоило, что она сразу по возвращении дочери и зятя из Индии уехала домой, какие-то предчувствия не позволяли ей задержаться хотя бы на пару недель. Алке хотелось поговорить с матерью, да и проводить по-человечески, без спешки. Но что поделаешь с беспокойными пожилыми людьми, когда своих забот хватало!.. Алка уже знала, как следует договариваться о работе за границей. Знала, когда и куда пойти, с кем и как разговаривать. Остается лишь решить вопрос с мамой. И все. Но вот дети? Не отправлять же Дашеньку в далекую Сибирь! Достаточно истории с Владом. Временами казалось, что он просто ненавидит Юрия, уже отчаявшегося когда-нибудь завоевать привязанность пасынка. Рождение дочери лишь усугубило их и без того не простые взаимоотношения. Алка вспоминала, как она раньше, когда Влад впервые очутился в Москве перед самой школой, не раз находила его, плачущего где-нибудь в укромном углу, он тогда все скучал по бабушке с дедушкой. Но теперь он вырос, освоился в столице и уже провожал бабушку как взрослый мужчина. Казалось бы, все хорошо. Но разве так бывает? Теперь отношения с отчимом, особенно после отъезда бабушки, приняли почти враждебный характер. Однако всерьез заниматься этой проблемой никакого времени не хватало. «Все уляжется само собой», — мысленно успокаивала себя Алка.

Вот Юрию легче, он как будто бы и не замечал настроения Влада, его полностью поглотили самые нежные чувства к дочери. Алка старалась разделять свои заботы о детях поровну, но получалось

плохо, дочка в силу своего нежного возраста требовала больше внимания. К тому же необходимо было зарабатывать на жизнь, чтобы не тратить попусту отложенные на кооператив деньги. Юрий вернулся на прежнее место работы, куда, к удивлению Алки, его с удовольствием приняли, но с условием, что он больше никогда не покинет «родного коллектива».

У Алки еще до отъезда за границу появились связи с одним из многочисленных московских научно-исследовательских институтов, или НИИ. Там ожидали вакансию, причем обещали ее Алке, если ее приезд совпадет или почти совпадет с появлением новой должности. Платили здесь значительно больше, а работы было значительно меньше. «Значит, и свободного времени будет предостаточно с моей-то работоспособностью», — прикидывала Алка. Возьму на репетиторство клиентов побогаче, останется время на походы по инстанциям. Вопрос с кооперативом тоже не простой, времени потребует...

Приятные новости, связанные с более перспективным трудоустройством, последовали практически сразу после ее приезда, и вскоре Алла Владимировна приступила к новой работе. Отделом заведовала жена министра той отрасли, вопросами развития которой и занимался институт. Однако не прошло и полгода, как женщины стали непримиримыми врагами. Способная и привлекательная Алка по понятным причинам не могла в плане официальной должности противостоять жеманной и глуповатой начальнице, имевшей и статус, и власть благодаря своему семейному положению. Можно было, конечно, вернуться в вуз, возобновить связи с теми, кто предлагал не так давно аспирантуру, и все-таки попробовать себя на научной стезе. Может быть, зря время упустила? Но стоит ли теперь?..

К тому же Алка все более остро ощущала: в стране, в головах людей зреют какие-то изменения. Но какими они будут?.. И произойдут ли вообще?.. Сказать сложно. Ну а вдруг? И почему бы не случиться каким-то переменам, ведь не вечно страной будут управлять эти немолодые, а главное, не очень здоровые вожди с неумелой и надоевшей пропагандой единственно верной идеологии? Но в то же время сколько в стране действительно талантливых людей, благодаря которым государство дви-

жется вперед и его достижениями можно гордиться. Опять же — так ли востребованы эти люди? Разве они получают от страны достойное внимание и вознаграждение?

Тесно общаясь с иностранцами, Алка подспудно чувствовала, как в ее душе постепенно нарастает неприязнь к ним, особенно к тем, кто из Западной Европы. Почему у них жизнь совсем другая?.. Почему она должна радоваться их подачкам за ее труд? Почему в ее большой стране люди вроде нее посвящают свою жизнь битве за квартиру, дом, вообще жилье? Ведь есть в великой державе все необходимое для работающего человека!

Как-то в очередной приезд Надежды та спросила у Алки, отчего она так ненавидит иностранцев. Алка ответила:

— Меня просто бесит, почему мы так живем? Ведь мы талантливее, честнее наконец, если уж на высокие темы переходить. Да взять и меня! Почему я должна столько порогов обить, прежде чем организовать себе нормальное существование? У них-то нет таких проблем!

— Но ведь они и дают тебе возможность зарабатывать! — сердилась Надежда.

— Вот именно. А попробуй у нас?! Как будто работы не хватает. И то нельзя, и это не по закону. А я что — закон преступить хочу? Вот и приходится опять же за границей деньги искать, в то время как моя начальница, будучи сама женой начальника, этих проблем не знает. Все для них наготово!

Семейная жизнь Алки шла своим чередом. Наконец-то не надо было ехать в Сибирь, не то что раньше — почти каждые полгода предстояло упаковывать чемоданы и мчаться в аэропорт или встречать маму с сыном в Москве. Влад, прожив в столице год с бабушкой, освоился, привык к новой школе и уже не томился, как раньше, в ожидании заветного телефонного звонка.

По сути, Алка не знала сына, а теперь началась новая фаза в ее семейной жизни, едва ли не самая трудная, хотя у сына и дочери была своя комната. Влад готовил уроки, пока Дашка была в детском саду, и получалось, что он в основном в комнате был один, места хватало. Но сын уже не раз напоминал: у бабушки было лучше, сестра мешает спать, то пить ей подай,

то в туалет проводи — одна боится. В конце концов, Дашу пришлось снова определить за занавеской в комнате родителей или брать под утро на широкую тахту к себе. А к зиме Юрий предложил поменяться местами с Дашкой окончательно, ребенок уже большой, тесно втроем на одной тахте, да и неловко. Приобрели еще один диван для него, и теперь Алка могла приходить к супругу в гости, не опасаясь неудобств общения на узенькой кровати.

На новом месте работы, кроме нескладывающихся отношений с начальством, тоже были свои трудности. Здесь, в отличие от вуза, не приветствовали отлучки с рабочего места без необходимости. Выигрыш касался лишь зарплаты. Алка начала подумывать, не вернуться ли обратно, но потом решила — если и возвращаться, то поставить вопрос о деньгах, естественно, когда сами предложат.

За всей суетой Алка как-то реже вспоминала о родителях. Она забеспокоилась, лишь когда Нина Алексеевна вдруг перестала писать письма, к тому же по телефону теперь говорила непривычно сухо. Когда Алка наконец всерьез обратила внимание на странные перемены и спросила мать об их причинах, та не сразу откликнулась.

— Ну, долго ждала, пока ты поинтересуешься... Самой не хотелось, — Алка приготовилась выслушать длинную нотацию о невнимании детей к родителям, как в трубке вдруг замолчали, потом раздались рыдания.

Случилось нечто непредвиденное и ужасное — Нина Алексеевна приехала от Алки к больному мужу. Пока Нина Алексеевна смотрела в Москве за внуками, он ничего не писал и не говорил по телефону о своей болезни, «не хотел беспокоить». Да, это было в его характере, и поэтому главной в семье всегда была мама, что, впрочем, всех устраивало. Но почему он, сам врач, не обследовался до приезда жены?.. Что с ним? Или списал свое плохое самочувствие на возраст?

Несколько успокоившись, Нина Алексеевна заговорила более вразумительно:

— Да, он считал, что старость пришла. Но это он так только говорит мне. Не знаю... не знаю, почему тянул... Ведь знаком с врачами, связи остались...

— Мама, не томи, — волновалась Алка. — Теперь-то обследовался! Что с ним?

После довольно продолжительного молчания мать ответила глухим незнакомым голосом:

— Алла, нет никакой надежды. Онкология. Заболевание запущено.

Алка не знала, какие слова следует говорить в таком случае. Она молчала, осмысливая сказанное. Но как-то не вмещалась в голове мысль о том, что уже поздно, что теперь остается только ждать...

— Мама... Я буду звонить каждый день... — наконец с трудом ответила она. — Постарайся брать трубку и отвечать мне. Я приеду, как только улажу здесь самые необходимые дела.

Но вовремя приехать не успела, и даже похороны отца прошли без присутствия дочери. О чем он думал в последние дни и часы своей жизни? Наверное, сказал бы что-то важное, такое, о чем молчат обычно. А может быть, и не сказал бы ничего, может быть, уже не мог говорить, только смотрел бы на нее?.. Нет, лучше об этом не думать. Разве виновата она в том, что не получилось в одночасье разорвать договоренности с клиентами-иностранцами?.. Это могло бы самым печальным образом отразиться не только на ней, но и на Ларисе, отвечавшей за нее перед знакомыми, которые лишь ждали момента, чтобы заявить о себе на официальном уровне. Практически их небольшой коллектив был готов работать открыто, но на частной основе. К тому же, когда у Алки в руках была уже телеграмма, заверенная поликлиникой, не нашлось замены на новой работе. Недавно организованный отдел пока не располагал необходимым штатом сотрудников, заменить Алку было некем. В конце концов, ей разрешили отлучиться на несколько дней. Но тут погода подвела в день вылета. Промаявшись сутки в аэропорту, Алка поняла, что куда не успеет, предыдущие два дня, потраченные на переговоры с начальницей, сыграли свою роль. Пришлось ограничиться денежным переводом матери. Потом Нина Алексеевна сообщила, что похоронить отца помог приехавший брат, давние знакомые, бывшие сотрудники по работе, соседи.

Мама тяжело переживала смерть мужа, впала в депрессию, и, как всегда это бывает, причину

несчастья она искала в себе, не могла простить долгих отлучек в Москву. Спустя несколько месяцев, уже к лету, Алка робко спросила мать, не собирается ли она в Москву хотя бы для того, чтобы просто отвлечься от печальных мыслей.

— Нет-нет, — ответила та, — кто же на кладбище пойдет? Кто там цветы поливать будет? Уж в первый год после его смерти никуда не поеду.

— Хорошо, мама, тогда я постараюсь приехать, но ненадолго, ты ведь знаешь. У меня договоренности. Надо как-то решать с квартирой.

— Так ведь все вроде бы и решено, — сказала Нина Алексеевна, — теперь у вас две комнаты.

— Ну что ты, — мягко возразила Алка, — дети-то растут. Владу осенью уже двенадцать будет, а Дашенька перейдет в старшую группу в садике. Еще пару лет — и она уже первоклассницей станет! Думаю, к этому времени ты будешь с нами.

— Не будем загадывать, — Алка почувствовала, что матери стало труднее говорить. — Видишь, как выходит. Планируем одно, а получается другое. Знаешь, о чем я...

— Хорошо, хорошо, не будем... Ты права. Держись, я скоро приеду.

Влад, как всегда, окончил учебный год с одними пятерками. Сначала решили, что он поедет с Алкой к бабушке, но позже удалось достать для него путевку в очень хороший летний спортивный лагерь, где была возможность заниматься плаванием. Из всех своих увлечений Влад выбрал спорт. Юрий оставался на хозяйстве с дочерью. В отсутствие Влада дома воцарилась спокойная обстановка, и Алка не спеша собиралась к матери. За несколько дней до отъезда позвонила Таня, ее давняя подруга детства, оказавшаяся в столице в командировке.

— Ты надолго? — поинтересовалась Алка.

— Дня на три-четыре, как управлюсь с делами, — ответила Таня.

— Замечательно. Полетим вместе, я как раз за билетом в аэропорт собиралась завтра. К маме еду, ты знаешь, наверное.

— Знаю, — отозвалась Таня, — я и на похоронах была, и маме твоей звоню иногда.

— Спасибо. Ты приезжай ко мне, жду, — в трубке повисла пауза, и Алка добавила: — Пожить у меня не предлагаю, извини. Много хлопот перед отъездом, да надо к Владу съездить. Он

в хорошем лагере, но хочу навестить, посмотреть, как он там.

— Не волнуйся, я в гостинице обосновалась!

Когда встретились, разговор хватил до позднего вечера.

— Ну что там у тебя с твоей скандальной любовью, где работаешь? — интересовалась Алка, радушно угощая гостью чаем в своей импровизированной кухне.

— Да все как и у всех в таких случаях, — безразлично посетовала Таня. — Никуда от жены не ушел, родные отвернулись от меня. Ты ведь помнишь, семейство у меня строгих правил, не то что твои. Одна я осталась, дома никто со мной не разговаривал. Пришлось на квартиру уйти. Тяжело было.

— Надо было родить, — рассудила Алка, раскладывая в вазочке печенье, — помню, ты что-то писала по этому поводу.

— Надо было, — вздохнула Таня, глаза ее увлажнились. — Только аборт я сделала тогда... Жила-то уже на квартире, а мать сказала, выкручивайся, мол, сама. Они тогда в двухкомнатной жили с сестрой, ее мужем, ребенком да братом вдобавок. Вот я и «выкрутилась». Срок большой был...

— Почти убийство, — безжалостно подытожила Алка. — Жаль мне тебя, жаль...

— Я расплатилась... — продолжала Таня, то и дело пряча взгляд. — После всего этого тяжело заболела. Думала, умру, но вот попался человек, сын хозяйки, у которой я угол снимала. Самый настоящий угол, за печкой обитала, на большее денег не хватало. Он меня выходил. Потом жить с ним стали. Потом поженились. Но детей у меня не будет никогда. — Она помолчала. — Работаю в автохозяйстве.

— А он?

— Он с высшим образованием, но не пробивной, — лицо Тани посветлело. — Достаток у нас небольшой, хотя не жалуясь. На жизнь хватает.

— Ты любишь его? — бесцеремонно допрашивала Алка, подливая подруге чаю.

Татьяна усмехнулась:

— А ты своего Юрия любишь?

— Ладно, ну их, — Алка тихонько рассмеялась. — Что в Москве-то делаешь, что купила?

— Командировали, чтобы поторопить поставщиков по запчастям для наших машин. Сама понимаешь, дело хлопотное. Вроде получается.

Думала купить что-нибудь из тряпок... Походила тут по магазинам... Вижу, моих денег не хватит. Видно, не получится из этой затеи ничего, — Таня попыталась перевести разговор на Алкины дела: — А ты, я вижу, процветаешь, в хоромах живешь. Молодец!

— Я бы тебе отдала что-нибудь из своего, мне не жалко, — посочувствовала Алка, — но размеры наши не совпадают. Хотя... Пришла мне в голову одна мысль. Вот говоришь, живу я в хоромах. Ну, пока не все мое, отсюда масса неудобств. А соседка — просто кошмар, неряха. От нее все проблемы. Предлагаю тебе помочь мне, не «за спасибо», хорошо заплачу. На обновы хватит. Идет?

— Как это? — опешила Таня. Потом добавила неуверенно: — Я вообще-то хотела куда-нибудь сходить, а тебе и так могу помочь...

— Сходим вместе, обещаю, — деловито прервала ее Алка. — Ты чистюля, умеешь быстро работать. Решай: или бродить где-то будешь вечерами одна, а вечеров у тебя раз-два и обчелся, или один раз выберешься в театр, к примеру, а два вечера проведешь у меня. На сапоги заработаешь и еще останется! Сапоги достану, импортные. Сама ты прстоишь за ними полдня. Если хватит на всю очередь и если найдешь такую очередь в огромной Москве!..

Подумав, Таня согласилась. Алка и в самом деле предлагала такие деньги, которые Таня вряд ли решилась взять в займы. Таня понимала, что она в круг новых Алкиных знакомых не вписывается. Юность закончилась, а с нею ушло все, что объединяло когда-то близких подруг. Они заранее взяли билеты на самолет. В счет зарплаты Алка достала такие сапоги, какие Тане и не снились. Остальное истратили быстро и с толком в магазинах, которые знала Алка, но не знали многочисленные гости Москвы. Обе остались довольны. Но со временем их связи прервались, и больше подруги не встречались.

* * *

С матерью встретились тепло, ни споров, ни привычных выяснений отношений или опрометчиво сказанных слов... Неужели человеку нужна жертва, чтобы понять главное? Алка отогнала от себя непрошенные мысли. Все проходит, время лечит, как ни банально это звучит. Целый

вечер они предавались воспоминаниям, плакали, смотрели старые фотографии, говорили об отце. На следующий день отправились на кладбище. Могила оказалась далеко от основной кладбищенской дороги, и как Нина Алексеевна добиралась до нее зимой, по сугробам, Алка не представляла.

— Мама, почему не заплатили никому, чтобы поближе похоронили? — окликнула мать Алка, следуя за ней по плохо утрамбованной дорожке.

— А так разве можно? — растерянно обернулась мать и остановилась.

— Ой, мама, ну ведь все так делают, неужели не знаешь?

— Да мне как-то все равно, — тихо послышалось в ответ. — Куда торопиться теперь? Ни мужа, ни детей, ни внуков... А сюда поеду, пройду эту трудную дорогу пешком, так и время как-то быстрее бежит. Поговорю вот с ним, легче маленько на душе... А дома опять... тоска...

Уже четвертый день Алка гостила у матери. А в голове-то все время была Москва: как Юрий с Дашенькой справляется, как Влад. Наконец Алка решила.

— Мама, — осторожно начала она, — нам надо как-то поговорить о будущем. Ты извини меня, но я ведь человек подневольный, лететь назад надо. Как ты настроена?

— Я поняла тебя, доченька, — кивнула Нина Алексеевна и опустила глаза. — Спасибо, что заботишься. Но, я говорила, памятник надо поставить... Год уже прошел...

— Мама, но ведь год еще не прошел, — уточнила Алка. — Давай до лета отложим. Так даже лучше будет. И грунт уляжется. Надеюсь, в следующее лето приеду за тобой, тогда и памятник поставим. Ты ведь не собираешься одна жить? Какие вообще планы?

— Да нет планов никаких... — обронила мать.

— Тогда давай так. Я, как вернусь в Москву, сразу подам документы на обмен. Предварительно я узнавала, нашу двухкомнатную можно обменять лишь на комнату...

— Что же, ты меня в коммуналку определить хочешь? — глаза Нины Алексеевны быстро наполнились слезами.

— Да что ты, мама! — Алка обняла ее за плечи и мягко объясняла: — Когда приедешь, мы

отправимся еще всего-то на один год на заработки. Помнишь, был с тобой разговор до папиной смерти? А ты останешься, как и в тот раз, с детьми и няней в двух больших комнатах. Ну а вернемся — сразу переселим соседку в квартиру, которую я куплю ей на заработанные деньги. И у тебя будет отдельная комната. Думала, первой поездки хватит на ее переезд, но не получилось. Не хочется себе во всем отказывать, детей жалко. Поэтому надо бы еще подзаработать. А когда ты будешь с нами жить, я готова уступить тебе лучшую комнату, с балконом, а свою сможешь сдавать. Ну а если ничего тебя не устроит, будем думать и как-нибудь определимся с отдельным жильем и для тебя.

— Может быть, мне лучше вообще здесь остаться? — вслух подумала мать и добавила. — Или к сыну уехать? Как-то быстро ты решаешь все...

— Мама, ну где же быстро? Ты ведь уже согласна была еще на годик к нам приехать! И если бы не папа... — Алка запнулась, помолчала. — И потом — неужели с невесткой лучше, чем с родной дочерью?

— Не лучше, — вздохнула мать, — но зато в Красноярске... Поближе к нему...

— Господи, сядем на самолет и навестим могилу. В чем проблема-то? Какая тебе разница, откуда лететь? Влад скучает по тебе! — напомнила Алка и испытующе посмотрела на мать.

— Правда? — лицо матери посветлело. — Такой большой, а все по бабушке скучает?

— Ну конечно! — Алка облегченно вздохнула. Вот с чего начинать надо было! — Давай соглашайся. Время быстро бежит. На разные хлопоты не меньше года уйдет. Я уж по опыту знаю.

— Ладно, — едва кивнула мать, — делай как решила, только дай мне возможность в случае чего отказаться. Чтоб обид не было потом.

* * *

Дни и месяцы летели незаметно. Вернувшись в столицу, Алка сразу начала прикидывать, на какое жилье в Москве можно обменять сибирскую двушку. Наконец-то, почти через год, найден был подходящий вариант. Естественно, на «выселках», зато не в очень старом доме. На оформление документов для загранпоездки времени оставалось мало, по-

тому что надо было успеть до отъезда забрать мать, ну и разные дела утрясти.

И вот — еще одна гора с плеч! И памятник поставлен, и мама в Москве! Пусть пока обжигается, в то время как переговоры о поездке за границу идут полным ходом. А пока — работать и работать. У Алки еще оставались нереализованными планы на приобретение крупных вещей. Так в доме появилось пианино, хотя ни на каких инструментах в семье никто не играл. Потом коллекция эксклюзивных кукол. Вот уже и стены комнат украшают приятные глазу картины с изображением сельских наряженных детишек у околицы или богатых букетов цветов. Гости ахали, лицезрея такую красоту, и пели дифирамбы тонкому вкусу хозяйки. Но вот кухня и прочие места общего пользования оставались пока общими и комнатов пока было всего две...

Сын вроде как изменился в лучшую сторону. Стал намного спокойнее, почти перестал грубить. Тем не менее Алка не могла забыть весьма неприятный инцидент, когда в присутствии Ларисы Влад рывком выдернул из розетки шнур от телевизора, когда Юрий смотрел футбол.

— Надоел этот телек, — невозмутимо ответил Влад на немой вопрос в глазах взрослых. — Хочу спокойно поужинать.

— Так в кухне поужинай, — с деланным спокойствием возразила Алка.

— Я хочу здесь!

— Пошли в кухню, — обратилась к Алке Лариса. — Заодно чаю попьем.

Когда женщины остались вдвоем, Лариса, видя смущение Алки, все-таки не удержалась:

— Почему ты позволяешь ему так вести себя? Что плохого сделал ему Юрий? Да и я здесь, в конце-то концов!

— Ладно, взрослеет, возраст переходный у него, — Алкино лицо пылало.

— Не знаю, не знаю... Впрочем, не мне судить, у меня нет детей. — Лариса смягчилась. — Давай по рюмке чаю! Как там с документами? Готовишь?

— Да почти все готово, — оживилась Алка. — Считаю два года ушло с тех пор, как собралась во второй раз за границу. Влад уж в восьмой пойдет, а Дашка в подготовительной группе, как раз в школу отправим.

— Я понимаю, — кивнула Лариса. — Мамин переезд да обмена эти. Все не так просто.

— Так ведь еще пришлось летом организовать приезд брата в Сибирь, чтобы они вместе с мамой могилу отца навестили... А теперь вот Юрий уперся, не хочет за границу, не знаю, что и делать!

— Ну, это не проблема, — рассмеялась Лариса. — Уломаем. Его хваленая контора все равно лопнет, такие времена надвигаются...

— Но вообще-то он нужным делом занимается, — внутренне насторожившись, ответила Алка.

— Это мы так думаем.

— Почему только мы? Есть статистика. Показатели разные...

— Увидишь, что я, к великому сожалению, окажусь права, — Лариса многозначительно улыбнулась. — Но, возможно, то, что окажется несчастьем для одних, другим послужит на благо. Нам с тобой, например.

— Будем выкручиваться! — Лариса стояла в прихожей уже одетая. — В общем, собирайтесь потихоньку. Думаю, через пару месяцев сможете отбыть в какой-нибудь Вьетнам. Много не зарабатываете, но последнюю комнату отвоюешь.

Теперь Нина Алексеевна поселилась окончательно вместе с любимым внуком в отдельной комнате. Когда затеяли еще одну поездку за границу, решено было поменять местами Влада и первоклассницу Дашу. Влад оказался один в комнате, а бабушка разместилась вместе с Дашей. Сын безо всяких уговоров делил свое жилье с Ниной Алексеевной, но с сестрой отказался наотрез. Он любил покладистую Дашеньку, как и она его, но, когда дело дошло до совместного проживания, согласился только на бабушку.

В первый класс провожали дочку всей семьей. Это был один из счастливых дней для всех. Влад отправился один, как взрослый, но в школьном дворе подошел к Даше вместе с другом и похвастался, какая у него большая и хорошенькая сестренка. Дома школьников ожидали красиво накрытый стол и дорогие подарки. А спустя месяц Алка и Юрий отправились в очередной вояж. Деньги от сдаваемой комнаты Нина Алексеевна решила откладывать «на всякий случай», а на самом деле предназначала их внуку. Алке с большим скрипом удалось отвоевать год на работе без

увольнения «в связи с семейными обстоятельствами», у Юрия дела обстояли похуже. Им дорожили, но гарантий дать не могли, потому что с его увольнением пропадала ставка. Договорились, что подыщут кого-нибудь на год. Хорошо, если согласится кто-то из бывших сотрудников-пенсионеров. Такие люди обычно соблюдают правила игры и увольняются в срок, хотя бывает всякое и с такими. Пенсионера нашла Алка, надеялись, что он не нарушит устный договор.

* * *

Вьетнам оставил у Алки наихудшие воспоминания. Но главное получилось. Заработанных денег вместе с теми, что привезли из Индии, на кооператив хватило. Алка вспоминала, как после первых месяцев пребывания в чужой стране она уже готова была разорвать все договоренности и уехать домой. Совершенно неожиданно для нее воспротивился Юрий.

— Раз уж за деньгами поехали, то давай не думать ни о чем, кроме них, — решительно заявил он, отдыхая после жаркого дня в плетеном кресле. — Я ведь работу считай оставил. Поэтому даже никаких отпусков! Иначе сюда не вернемся. Если бы знал заранее, как здесь, и сам не поехал бы. Но раз решились, значит, надо терпеть. Но это в последний раз. Я уж точно никуда с места не двинусь больше.

— А в леса, а на реки и озера? — напомнила Алка.

— При чем здесь это? Это мое, родное. — Юрий, несколько расслабленный после трудового дня, мечтательно добавил:

— Домик бы небольшой подальше от города — вот что я купил бы. Где-нибудь в Подмосковье. А можно и вообще совсем подальше от Москвы, под Дубной, на Волге например...

«Что за человек, — думала Алка, глядя на разомлевшего от ужина супруга. — Ничего-то ему не надо! Спасибо, что хоть покладистый. И что делать в этом домике? Огород копать или траву косить? Вспотеть, а потом в постель упасть?! Или Волга? Ну, возьми путевку, сядь, как нормальный турист, на пароход да и любуйся красотою прибрежных пейзажей!»

— А представляешь, — продолжал тем временем Юрий, — покопался бы я в земле. Потом

взял бы удочку или корзину и в лес пошел бы за грибами или на речку. А потом один или с тобой в своем домике отдыхал. Ни соседей тебе, никого! А из окошка видны посаженные тобой цветы, кошка на дровах сидит...

— Юра, вот удочка, кошка, речка — это все прекрасно, но без меня. Приедем, подумаем над твоим предложением. А пока помоги мне постель расстелить и проверь, нет ли где этих ужасных насекомых, боюсь до смерти! Горничная ничего как будто и не видит!

— Ну вот, — разочарованно отозвался Юрий, — как что хорошее, так без тебя. Ладно, давай укладываться. А вот если бы в домике... у речки... Кстати, откажись ты от этой прислуги, если тебе не нравится.

— Не положено, — отозвалась Алка. — Мне-то грубиянка эта совсем не нужна. Где бы она работала, если б не мы! Даже этого не понимают. В общем, мои негативные впечатления об иностранцах еще раз тому подтверждение. Только из-за жилья и терплю всю эту заграницу...

— Так ведь есть жилье! — не унимался муж. — Давай уедем и поменяем наши две комнаты на квартиру, как я тебе и предлагал!

— Нет уж! — решительность жены прервала радужные мечты Юрия. — Приехали так приехали. Надо до конца дело довести, сам только что сказал.

Алка долго не могла заснуть. От доводов Юрия она мысленно отмахнулась, других забот хватало. Она все чаще думала о детях, о матери и уже не в первый раз пожалела, что организовала очередное путешествие. И здесь-то доводы мужа начинали снова стучать в голове, как маленькие надоедливые молоточки. Она постаралась самой себе еще раз доказать, что всего через несколько месяцев все мученья окупятся не только деньгами, но и достижением главной цели. Может быть, соседка на радостях и с документами помогать будет, не то от беготни по инстанциям заранее голова болеть начинает. В последующие дни Алка постаралась настроиться на боевой лад, освободиться от подавленного настроения, и время сразу же ускорило свой бег, приближая к заветной дате отъезда домой. Она стала чаще звонить в Москву, решила не экономить на общении, тем более что по характеру скрягой не была, просто конечная цель заставляла никогда

не забывать о накоплениях. Уже и по телефонным разговорам чувствовалось, как растет Дашенька, и Алка переживала, что такой интересный и важный период в жизни дочурки проходит без нее. Когда-то очень давно эти же мысли о Владике просто и в голову не приходили. «Может, возраст? — не в первый раз опасливо думала Алка, а потом успокаивала себя: — Нет же, нет, я просто скучаю!»

Влад тоже явно вырос, только, конечно, не так, как малышка. Говорил спокойнее, не спорил по каждому пустяку, даже привет отчиму однажды передал. Нина Алексеевна по секрету, шепотом как-то проговорила, что Влад получает письма от отца. «Я знаю, что они иногда переписываются», — стараясь быть равнодушной, отозвалась Алка. На самом деле ее неприятно кольнула эта весть. «Адрес откуда-то узнал, — подумала она. — Но с другой стороны, пускай переписываются. Отец все-таки». Вообще, связь сына с отцом вроде бы прекратилась уже несколько лет назад или ослабла с тех пор, как Влад насовсем уехал в Москву. Но вот возникла снова. «Видимо, существует какая-то кровная близость, — решила Алка. — Ну что ж, сын большой, теперь ему решать».

Когда, наконец, контракт завершился и счастливые супруги прибыли в Москву, они не могли наглядеться на подростковую дочку, на сына, считай уже старшеклассника. Даже уставшая мама показалась повеселевшей по сравнению с тем, когда Алка оставляла ее с детьми в прошлый раз. Нина Алексеевна, заботясь о детях целый год, стала разговорчивей, постоянная глубокая тоска сменилась перепадами настроений — уже лучше, а выступавшие на глазах слезы не лились рекой, как было сразу после смерти отца, теперь они сопровождали светлые воспоминания о нем. Нина Алексеевна каким-то образом сошлась с соседкой, и они к приезду Алки узнали почти все о кооперативном жилье, что оказалось очень кстати. Теперь соседка не сопротивлялась, все шло «по закону».

Начались трудовые будни. Юрию все же удалось занять прежнее место на работе. Заменявший его пенсионер не горел желанием работать там, где, по его словам, дела шли не лучшим образом. На прощанье он посоветовал Юрию по-

дыскать себе другое место, так как жизненный опыт подсказывал — грядущие перемены технарям радости не принесут. Юрий не очень-то поверил, пока был доволен, что оказался на старом месте работы.

У Алки картина была несколько иной. Независимая и уверенная в себе, она давно раздражала «госпожу министершу», как именовали в отделе ее начальницу. Ту злило буквально все, что касалось Алки. «Да кто она такая! — возмущалась «госпожа». — Приехала в столицу, не имея никаких связей, не ценит место, за которое другой вцепился бы мертвой хваткой!» Да и все остальное... Семейное положение? Муж — инженер какой-то, брак второй. От первого сколько лет ребенок где-то болтался! А коммуналка? Кого, спрашивается, из порядочных людей можно пригласить на общую кухню? И ведь находят такие женщины неплохие места благодаря доверчивости руководителей, не имеющих опыта общения с интриганками. И берут их, без роду, без племени, под свое крыло, а лучше сказать, себе на шею, а они... Куда мы катимся?!

И вот она снова здесь. Это благодаря таким, как она, пусть и напускное уважение коллектива к руководству, как это было раньше, стремительно летело вниз. Но ведь была надежда, что не вернется. Как-то удалось ей договориться, что место останется за ней после возвращения из-за границы. Но договор-то устный! «Министерша» ждала удобного момента, чтобы освободиться от ненавистной подчиненной, но неожиданно все решилось само собой. Снова выручила Лариса. Еще до приезда подруги подыскала Алке малооплачиваемое место в другом НИИ. На эту должность никто из квалифицированных специалистов особо не претендовал, но рабочий стаж сотрудникам шел, что, собственно, и требовалось Алке.

— Деньги у вас есть пока, — подытожила беседу Лариса после теплой встречи в полюбившемся подругам кафе, — а там жизнь покажет. В общем, смело увольняйся.

Практически еще один год ушел на приобретение кооперативной квартиры. Здесь тоже возникло немало сложностей. Но Алка с помощью хорошего юриста докопалась до разных поправок к законам, вникла, что отменяли и куда сно-

ва вносили эти поправки, в результате чего соседку с дочерью удалось сразу же прописать в новую однушку на окраине Москвы. На радостях помогли с переездом, правда, совместно новоселье не отмечали, и так вдоволь насмотрелись друг на друга, уже одно то, что расстались мирно, было хорошо.

И вот долгожданный день настал — ордер на всю жилплощадь получен! «Где-то полтора десятка лет ушло на все про все! Но не зря ведь!» — торжествовала счастливая Алка. Отмечали событие скромно, в кругу семьи, на что-то большее деньги решили не тратить, а близких друзей пригласить попозже, чтобы к их приходу можно было бы организовать приличный стол и привести в порядок третью и последнюю комнату, а самое главное — замызганную кухню и места общего пользования.

В мечтах, посещавших Алку в последние годы, момент празднования победы на жилищном фронте рисовался неким грандиозным событием, сопровождавшимся чуть ли не фейерверком. Как и всегда это бывает, ничего такого в действительности не произошло, зато семейное единение ощущалось не только на словах, но и чувствовалось по благодушным улыбкам, желанию услужить друг другу за столом, не обидеть неловким замечанием. Поскольку горячительные напитки появлялись в доме нечасто, Алка если уж и покупала что-то, то всегда дорогое. Вот и сейчас на столе стояла бутылка армянского коньяка и отличное сухое белое венгерское вино. Все хвалили Алкин стол, на котором красовались салаты, большие блюда с мясом и рыбой, украшенные зеленью и фруктами. Сегодня ей хотелось говорить только о приятном, интересном для всех и каждого.

— Владик, Дашенька, у нас этот год особенный не только из-за квартиры, — обратилась Алка к детям, — один уже паспорт вот-вот получит, другая второй класс оканчивает!

— Я, как Владик, — важно заметила дочка, — на одни пятерки!

Влад снизошел до своеобразной и странной шутки:

— Еще годика два пройдет, возьму да и приведу жену! Жить теперь есть где.

Все засмеялись.

— Ну, два года еще прожить надо, а что, кто-

то на примете уже имеется? — полюбопытствовала Алка.

— Имеется, имеется, — затараторила Даша, — я все видела! Они однажды по улице под ручку шли, а я как раз из школы возвращалась!

— Вот разведчица! — Влад шутливо дернул сестренку за густую прядь русых волос, выпавших из затянутой на затылке цветной резинки. — А будущая жена на примете и вправду есть, раз Дашка видела. Вместе спортом занимаемся. Классная девчонка! Про таких говорят: «палец в рот не клади!»

— А почему мы не знаем? — удивилась бабушка.

— Меня никто и не спрашивает, — спокойно ответил Влад. — И потом, — он снисходительно взглянул на нее, — ну кто бабушкам про девочек рассказывает?! Ладно, мне пора, пока! Поздравляю с очередным новосельем!

Влад быстро оделся и убежал. Алка растерянно взглянула на мужа. Юрий понял немой вопрос:

— А ты надеешься, что Влад в коммуналку вашу когда-нибудь пойдет?

— Но как же... — начала было Алка, однако Нина Алексеевна, тихонько взяв ее за руку, остановила начинающуюся дискуссию:

— Ну что вы портите хороший вечер! Влад еще маленький, мало ли что ребенок сболтнет! Давайте отдохнем от споров. Хочу попробовать Аллочкин торт. Жаль, Владик ускакал, хотя налегке тренироваться лучше!

— Да что ты, мама! — Алка разрешила торт, приготовленный по новому рецепту. — Я и не собираюсь размышлять над его словами, это детство еще. Лучше чай! С тортом.

— И то правда, — согласилась Нина Алексеевна. — Дашеньке поменьше кусочек. И так много съела.

Юрий, быстро расправившись с тортом, уже изучал телепрограмму, а затем, не отрываясь от газеты, как бы невзначай шутливо заметил:

— Аллочка, ты все-таки не расслабляйся. Помни про слова Владика. А я бы так в связи с этим выразился: «...и вновь продолжается бой!»

Все засмеялись. Алка нахмурилась:

— Хорошо тебе: жил здесь как гость, теперь вся квартира твоя, разве плохо?!

— Да что ты?! — Юрий обнял жену. — Давай помогу, обязуюсь вымыть всю посуду как следует, без единого пятнышка. Обязуюсь также высти-

рать скатерть и салфетки, затем их выгладить и убрать в платяной шкаф до следующего такого же прекрасного ужина.

— Вот и славно, — Алка устроилась в кресле. — Мама, Дашутка, давайте посмотрим по телевизору что-нибудь интересное для всех.

— «Спокойной ночи, малыши!» — Даша устраивалась на коленях у матери.

— Хорошо, — согласилась Алка. Помолчав, она добавила: — Как славно, что обошлись без денег от сдаваемой комнаты. Со временем все равно придется думать о дополнительном жилье. Дети-то растут помаленьку.

— Ну вот я и говорю — «...и вновь продолжается бой!» — Юрий вошел в комнату за очередной стопкой посуды. — Песню про революцию написали, а оказалось — на все случаи жизни!

— Вот именно, — согласилась Алка. — Кстати, до чего вы там договариваетесь на своих собраниях? Раньше ты только последние известия слушал, а теперь повадился на политические сходки бегать! Разве не так?

— Не дай-то бог! — добавила свое слово Нина Алексеевна. — Плохо все это кончится, уж поверьте. Кто по сходкам бегают, тот ни с чем и остается! Ну, спасибо за ужин. Дашеньке спать пора...

— Бабушка-а-а, — привычно затащила Даша, — еще чуть-чуть...

— Пошли, книжку новую папа принес, читаем...

Так удавшийся семейный вечер стал началом относительно спокойной полосы в жизни Алки. Наконец-то не надо было куда спешить, не надо было оформлять какие-то документы, в срочном порядке ездить на заработки за границу, думать об одиноко живущей маме. Этот период можно было даже назвать счастливым. По всей видимости, Алка настолько устала, что наступившее равновесие скучным не казалось, не поселило в душе чувства опустошенности, что нередко сопровождает момент достижения долгожданной цели. Она продолжала обустроить квартиру, наслаждаясь осознанием достигнутого, вновь стала читать перед сном, подумывала о полноценном отдыхе в какой-нибудь теплой стране, подальше от шумной Москвы.

— Не купить ли нам участок под дачу или сра-

зу недорогую дачу? — возвратился как-то Юрий к давнему разговору за границей.

— С ума сошел! — воскликнула Алка. — В земле я еще не копалась.

На досуге подумала — а почему бы и нет? Для Юрия, конечно. Пусть строит что-нибудь. От его работы в смысле заработка толку все меньше и меньше, одни общественные заботы остались. Так чем ходить на никому не нужные заседания, пусть и в самом деле займется той же дачей.

Через несколько месяцев приобрели небольшую, но вполне приличную дачу с земельным участком. Алка туда не ездила, зато Юрий был доволен. Иногда ей казалось, что муж молчит, не жалуется на пасынка, потому что наступило некое равновесие в семье. Но теперь поняла, что на самом деле в последние годы Юрий все больше удалялся от дома, и дача стала тем местом, где он мог отдохнуть от всех. Ведь общаться с Владом становилось все труднее, разве что бабушка находила с ним общий язык.

«Надо не спеша искать обмен, для чего необходимо привести в нормальный вид комнату», — решила Алка. Именно не спеша, ведь им уже за сорок, хоть и с небольшим, но все равно за сорок. Время становилось каким-то ненасытным, бежало куда-то все стремительней и стремительней, не успеешь отметить один день рождения, как наступает следующий... «Жизнь, что ли, проходит?» — не впервой подумалось Алке, но она, как всегда, постаралась отогнать неприятные мысли прочь. Зачем омрачать совсем даже неплохое существование, когда многое еще впереди, ведь не пенсионеры еще. Раньше и подумать-то о чем-либо некогда было. А вот теперь можно и подумать, и понаблюдать. Например, сравнить свою бурную деятельность, принесшую множество перемен в ее жизнь, с жизнью всей страны. Да, масштабы не те, но кто, собственно, представляет собою государство? Она, ее семья и есть малая часть большого. Об этом и многом другом теперь говорят с разных трибун, но что сделано за время так называемых перемен для отдельного человека? Да, конечно, гласность (хотя и без нее, и без «голосов» основная масса понимала, что к чему), да, за границу просто так можно съездить, посмотреть, как там живут, чем дышат. Но главная-то проблема, а таковой Алка считала жилье, так и не решается.

Лучше, конечно, люди жить стали, у некоторых даже квартирные вопросы как-то решаются, так ведь сколько лет после войны прошло, могли бы и побыстрее решать. А потому — все правильно она делала, заботясь в первую очередь о своей семье. Сама. Зато никому ничем не обязана.

А пресловутые изменения? К обывателю они обыкновенно никакого отношения не имели. Когда ушел из жизни лидер, руководивший огромной страной много лет, люди, естественно, ожидали каких-то перемен. Но ничего такого не произошло. Потом государством управляли пожилые лидеры и не всегда с хорошим здоровьем, что также не отражалось особым образом на жизни общества. Правда, какую-то часть населения обеспокоил приход к власти бывшего председателя Комитета госбезопасности. В этом случае причин для беспокойства было достаточно практически у всех, но и он у власти оказался недолго. Алка вспоминала, как в бюджетных организациях попрятали чашки и чайники, потому что теперь распивать чай в рабочее время запрещалось. Под запретом оказались и походы в магазины во время трудового дня. В случае поимки человека с кошелкой могли последовать санкции вплоть до увольнения. Естественно, о каких-то привычных застольях по случаю праздника или дня рождения и речи быть не могло, если даже это происходило в обеденный перерыв. Старшее поколение, приученное к дисциплине, радовалось, возможно и не зря, так как злоупотребления были, как там ни говори, налицо. Однако вряд ли жесткие административные меры могли бы повысить эффективность труда или модернизировать производство.

Одновременно в этот же период громче зазвучали «голоса» с запада, трубившие на различных радиоволнах о полном крахе демократии в СССР и ущемлении прав свободных людей. Как ни странно, значительная часть населения, лишившаяся возможности потолковать «за жисть» прямо на работе, соглашалась с «голосами». И вот в череде быстро меняющихся лидеров неожиданно для «простого» народа возникло совершенно иное лицо. Именно с приходом Михаила Горбачева Юрий и заинтересовался политической жизнью. Муж посещал какие-то собрания и при этом не мог объяснить толком, чему же они собственно посвящены, куда зовут людей? А

главное — что и как будут преобразовывать? Или только говорить? Алка по этому поводу иронизировала, а Нина Алексеевна гнула свое: «Как бы хуже не стало!» Впрочем, старшее поколение, пережившее не только войну, ко всему относилось с опаской. Всевозможные перемены непременно должны были закончиться чем-то дурным, потому что «живем сейчас неплохо, так зачем все менять?».

Алка тем временем потихоньку занималась обменом и в конце концов нашла вариант, тем более что многое упростилось. Маклеры никого теперь не боялись, на улицах появились невесты откуда взявшиеся торговцы, которых фактически не притесняли и не называли спекулянтами, а зарубежные политики, в общем и целом довольные начавшимися наконец преобразованиями в чужой стране, все громче и на разные «голоса» рассказывали о той незавидной роли, которую сыграл СССР на ниве международных свобод, равенства и братства. Народ поддавался на призывы, и Алку это бесконечно злило.

— Ты подумай, — говорила она Юрию, — считай, вчера рабами торговали и колонии грабили, а теперь учат нас жить!

— Но ведь и правду о нас тоже говорят! — не сдавался демократически настроенный муж.

— Да сами мы ее знаем, еще с двадцатого съезда, — не сдавалась Алка. — Уйду я с работы этой подпольной! Не хочу больше с иностранцами возиться!

— Не горячись, — урезонивал Юрий. — Посмотрим, что дальше будет.

— Надеюсь, на баррикады не пойдешь? — иронизировала Алка. — О семье подумай!

— А я и думаю, иначе пошел бы! Не смейся, мне, признаться, говорильня вся эта постепенно надоедает!

— А я тебе сразу выдала, помнишь? Ты послушай, что люди говорят! Где? Да везде! Хоть в магазине, хоть в трамвае. И про гласность, и про перемены.

— Поживем — увидим. Кстати, на работе дела пошли лучше, — с оптимизмом заявил Юрий. — Похоже, предприятие наше становится перспективным! Зарплату повышают.

— Это за что же? Вы что, производство модернизировали или работать лучше стали? — ехидничала Алка.

— Не то чтобы работать...— неуверенно начал Юрий.

— И не то чтобы модернизировать, — завершила разговор Алка. — И в самом деле, поживем, тогда и увидим, есть ли толк от всех этих повышений на пустом месте. А у твоего Михаила Сергеевича никакой путевой программы нет. Одни разговоры. Слушать устаешь!

— И не слушай, раз устаешь, — сердился Юрий.

— Я должна быть в курсе дел, раз репетитором работаю, или нет? — парировала Алка. — Меня спрашивают иностранцы, что и как у нас, какие, мол, изменения грядут? А я что должна отвечать: вот, смотрите, уже стали мы водку по талонам давать и от этого жизнь народа станет намного лучше! Так, что ли? Такая у нас программа?

— Алла, занимайся своими делами, — неуверенно возражал Юрий. — Зачем тебе программа? Подождать надо, он говорит... Вот увидишь, и крючоктворства станет меньше, а новое непременно облегчит нашу жизнь и поубавит домашних хлопот!

— Неужели?! — Алка снисходительно улыбнулась. — Что-то я не замечаю пока что ничего нового. Так... пустые разговоры, все по мелочам... А квартирный вопрос? Он решается хоть как-то? Ничего ровным счетом не изменилось! Взять нас. Чего стоило переселить соседку в мною же купленную квартиру. Как будто три комнаты для четверых, я уж тут и маму не считаю, раз она в другом месте прописана, огромная роскошь! Кое-что действительно изменилось, но ты посмотри, что делается на вокзалах! Столько всякой нечисти крутится! Откуда только берутся. В жизни такого не видела. А торговцы на тех же вокзалах, рынках? Протолкнуться невозможно! Увидишь, ничего хорошего не выйдет из твоей демократии.

Пока шел ремонт в освободившейся третьей комнате, Нину Алексеевну временно определили в одну из двух комнат вместе с Владом, Алка с мужем и Дашенькой, как и раньше, жили в другой. Влад, занимавший до приезда Алки и Юрия свободную комнату, был недоволен.

— Бабушка рано спать ложится. Ни книжку почитать, ни телевизор посмотреть! — заявил он как-то.

Было утро. Алка и Влад вставали раньше всех.

Алка готовила на всю семью завтрак, а Владу приходилось добираться до школы на автобусе. Хоть и не так далеко по московским меркам, но все же на общественном транспорте, к тому же выбранная Алкой школа стоила того.

— Подожди немного, — ответила она. — Примерно годик подожди, и, обещаю, бабушка будет одна, а ты снова с Дашенькой. Она подросла, уживется. Раньше нам не управиться, ты знаешь, бывшая наша соседка ни разу ремонта не делала. А я хочу сделать сразу и хорошо.

— Еще чего! — возмутился Влад, пропустив мимо ушей все, что касалось сроков и трудностей. — Быть в одной комнате с Дашкой! Я уже говорил — это даже похуже, чем с бабушкой. Вы, значит, одни будете жизнью наслаждаться, а я обязательно с кем-то?

Алка внимательно посмотрела на Влада. Недоволен. И это после всего, что сделано для него?! Однако ответить постаралась без раздражения:

— Когда окончишь школу, поступишь, сможешь жить самостоятельно. Теперь есть где.

— Бабушка говорила, что, может быть, сама со временем уйдет туда.

— И будет жить одна? В ее-то возрасте? — изумилась Алка, она не была готова к такому повороту.

Она обескураженно смотрела на Влада. Так вот о чем он мечтает! Кто бы мог подумать! Неужели мама так подробно излагала внуку разные сложности квартирных дел? Словно угадав ее мысли, Влад пояснил:

— Каждый раз, когда вы уезжали, я слушал ваши с бабушкой телефонные разговоры про квартиры. Не специально, конечно, а так уж получалось. Да и дома — только про это. — Влад довольно усмехнулся. — Вот и сам я начал прикидывать, какую пользу мне можно извлечь из всех этих манипуляций.

— Но ведь ты наследник...— Алка растерянно замолчала.

— Да, наследник, — внимательно глядя Алке в глаза, завершил тему Влад. — Так что из этого? Ты предлагаешь мне ждать, когда бабушка... Так, что ли? Мама, давай пока не будем. Я просто хочу сказать, что не намерен ни с кем делить свою комнату. Дашка все равно еще маленькая, выспаться толком не даст. Они с бабушкой мо-

гут в любое время отдохнуть, а у меня выпускные экзамены, спорт бросать ради них не собираюсь. В общем, режим нужен. Поэтому, когда наконец-то освободится последняя комната, бабушка уйдет туда, она тоже устала от нас. Ну а потом, когда я поступлю в институт, подумаем, что делать. Тем более что бабушка сказала мне — деньги от сдачи квартиры, которая на окраине города, она тратить не будет, бережет на всякий случай. — Влад улыбнулся при последних словах. Алке показалось, с торжествующим видом.

— Ты уверен, что поступишь без моей помощи?

— Абсолютно. Круглый отличник, общественник, да еще и спортсмен-перворазрядник. Ну какой вуз откажется от такого абитуриента?

— У тебя уже первый разряд?

— Давно, по гимнастике. Надо бы еще кое-что подтянуть, плавание, например. Два разряда не помешают.

Влад сложил в школьную сумку аккуратно завернутый бабушкой бутерброд, приготовленный на случай, если внук не сможет перед тренировкой зайти домой, взял деньги на проезд и обед в школьной столовой и ушел.

Алка устало взглянула в окно. День обещал быть солнечным, таким же, как будущее без хлопот о жилье. Она считала, что они позади, но... Вечером позвонила Ларисе.

— Что ты сейчас голову себе морочишь?! — успокоила подруга. — Придет время, тогда и будете решать. Сама подумай — он целый год провел с бабушкой и маленькой сестрой. Привык к самостоятельности, к отдельной комнате, вот и выступает!

— Мне кажется, он так и не полюбил Юрия, — Алкин голос дрожал.

— Так он и раньше его не любил! Сейчас взрослеет, думает, как бы сделать так, чтобы волки и овцы... Ну, понимаешь... Главное для молодых — не прилагать особых усилий. Таких примеров, дорогая, как у вас, пруд пруди. Чаще гораздо хуже. А он и денежки считает, что за квартиру идут, все мальчик твой продумал! Ждет своего часа. Ой, извини, не мое это дело, — спохватилась подруга. — В общем, так. Времени у тебя достаточно еще, а сейчас, пока Влад взрослеет, занимайся делами, и не только ремонтными. Будут хорошие заработки. А что Влада касается, скажи спасибо, что не согласен ждать, пока ба-

бушка... А то ведь, знаешь, приблизить естественный конец готовы иногда. Ну, ладно. И не расстраивайся. В чем-то твой Влад прав. Мама пожилой человек, ясно, что жить будет с вами. А он растет, женится когда-нибудь, а квартира уже есть! И даже денег на обустройство бабушка поднакопила!

— Хорошо сказано, — Алкина обида перерастала в раздражение. — Квартирка наготове! Мне бы так! А он!.. Видишь, и не очень-то доволен.

— Что делать, — вздохнула Лариса. — Но пока лучше не ссориться на общей кухне. Ведь права я?

— Права, права, как говорится, что воспитали, то и получили. Давай по работе. Откуда клиенты? Что хотят? Сколько платят?

— Ну, платят по прейскуранту, сама знаешь, а дополнительные услуги обговоришь, как и всегда...

* * *

В который раз Алка постаралась отодвинуть подальше неприятное чувство, оставшееся после разговора с сыном. Время еще есть, оно и покажет, как строить с ним отношения после окончания школы. Удивил и Юрий, воспротивившийся накоплению денег за сдачу квартиры.

— Сколько можно экономить! — воскликнул он, когда Алка передала ему свои разговоры с сыном и Ларисой. — Я думал хотя бы теперь полностью нанять на все рабочих. Ведь, кроме комнаты, есть еще и общие места. Одна ванная во что обойдется! Неужели снова самим придется возиться с очередным ремонтом?

— Вообще-то, это комната мамы, — возразила Алка. — Она помогала нам как могла. Влад, как выяснилось, надеется отделиться от нас в будущем, так почему бы и нам...

— Может быть, мне лучше со временем, когда Влад вырастет, а это не за горами, уйти к своей маме?... — огорошил Алку Юрий. — Мы с ней, живя в однокомнатной квартире, очень даже ладили. Есть еще вариант. Пусть эти деньги пойдут на обустройство дачи. Мне там не хуже, чем дома.

— Посмотри, — Алка сделала вид, что не слышала Юрия, — квартира твоей мамы впоследствии перейдет к Дашке, а моя мама готова свою отдать Владу. По-моему, все справедливо.

— Все-то вы рассчитали! Только надоело уже!
— Юрий нервно расхаживал по комнате, оглядывая уже заново оштукатуренные стены. — Хорошо дача есть. Место для тишины и отдыха. Вот организую там отопление, чтобы на электричестве было, — совсем уйду отсюда!

— Когда организуешь, тогда и решать будем. — Алка больше не могла сдержаться и упрекнула мужа: — А все потому, что не любишь ты Влада!

— А за что мне его любить? За то, что меня все эти годы ненавидит?! — парировал Юрий.

Алка расплакалась.

— Прости меня, не сдержался, — Юрий, как и всегда, обнял жену. — Я ведь тоже не железный. Все нормально у нас, сама посуди — работа есть, дети растут, мама твоя с нами.

«Боже мой, — подумала Алка, вытирая слезы, — что-то я несдержанна стала. Неужели годы? А может, нервы шалют после всех мытарств по границам да инстанциям? Как хорошо, что есть Юрий. Пожалуй, Андрей не выдержал бы моей бесконечной погони за квартирой...» Она улыбнулась сквозь слезы и отметила про себя, что впервые за последние годы подумала тепло, без осуждения о бывшем муже. Кто был прав, когда оба они были молоды и так легко расстались? Любила ли она его тогда и любит ли сейчас Юрия? Может быть, не всем дано это счастье — кого-то любить? А может быть, оно и лучше, спокойнее, когда человек лишен этого? Ведь не все хотят и даже избегают по возможности глубоких чувств и привязанностей.

Когда-то предусмотрительная Алка буквально заставила Влада начать переписку с девочкой из Норвегии. Переписка длилась долго, пока в поле зрения повзрослевшего Влада не попала другая девочка, спортсменка, которой, по его же словам, «палец в рот не клади». Это шло вразрез с Алкиными мечтами о том, что когда-нибудь выросший сын организует встречу с той норвежкой, увлечется ею и уедет в благополучную страну. Если его не устроит Скандинавия и она согласится жить в Москве, то родственники норвежки наверняка помогут с бытовыми трудностями. Похоже, не складывалось... И все из-за спортсменки, посвятившей, как предполагала Алка, целомудренного сына в тайны интимных отношений. Подозрения возникли, когда Алка,

подготавливая рубашки сына к стирке, обнаружила в нагрудном кармашке презерватив. Придя в себя от увиденного, Алка решила все рассказать Юрию.

— Ведь привяжется к ней, раз такое дело... И что тогда?.. К тому же она старше его, насколько мне известно.

— Но ведь ты не знаешь ее, — успокаивал Юрий. — Дело молодое, они здоровые, сильные, вот кровь и кипит. Поговорить надо с ними. Ну, а если что — женятся впоследствии.

— С ума сошел! — возмутилась расстроенная Алка. — Она же из неблагополучной семьи! После школы работает где-то продавщицей. Представь, какое воспитание получила, а ты — «пусть женятся». Про наследственность тоже подумать не мешает.

— Ну, подождут года два, а потом поступят так же, как и мы с тобой в свое время. Вообще-то, рано волнуешься. Насколько я знаю Влада, не женится он на своей первой женщине.

Но Алка негодовала:

— Лучше поговорил бы с ним, как мужчина... — Она помолчала и намекнула: — Ну, чтобы у него лишних проблем не было...

— Это можно, — согласился Юрий. — Мне с его потомством жить совсем не светит. Только захочет ли он слушать меня, он ведь письма от отца получает?

— Ну при чем здесь это? — в голосе жены Юрию послышалось раздражение. — Неужели в письмах можно объяснить такие тонкости? Я прошу тебя...

Как и предполагал Юрий, Влад внимательно выслушал его наставления, даже поблагодарил. Алка несколько успокоилась, и только в одном они с Юрием не сошлись. Муж был категорически не согласен с тем, что девушка не из их круга не может иметь серьезных отношений с Владом. Вполне возможно, что она не так уж и плоха. Сколько случаев, когда девушки из приличных семей оказываются и женами неверными, и матерями никудышными.

— Немало и других случаев, да и рано еще, — Алка волновалась. — Я могу и другие примеры привести. Заведут детей несовершеннолетние родители, а потом уже их родители алименты выплачивают за своих дурачков-сыновей.

— Не волнуйся, — успокоил Юрий. — Во-пер-

вых, она совершеннолетняя, а во-вторых, Влад не дурачок вовсе. В этом я убедился, когда на щекотливые темы говорили.

Когда Влад успешно окончил школу, Алка беспокоилась из-за упорно распространяемых слухов об армии, да и Влада такая перспектива вовсе не радовала. Говорили, что иногда ребят «забривают» сразу после школы, не давая возможности сдать вступительные экзамены в вуз.

— Придется искать варианты, как оттянуть время, — вновь волновалась Алка. — Надо заранее позаботиться, пока повестку не принесли.

— Отслужил бы сразу, и дело с концом, — вмешался Юрий — Вот у меня служба получилась после вуза. Кругом дети, можно сказать, а я уже взрослый человек. Лучше бы сразу, был бы такой, как все.

— Зато к тебе не приставали «деды», — заметила Алка.

— Ну, этого тебе не понять, — нахмурился Юрий. — Все было. Вспоминать не хочу.

— Зато ты хочешь, чтобы Влад служил, время зря потерял! Уж нет. Найдем входы-выходы. Главное сейчас — поступить. Не забывай — даже за год службы легко перезабыть что знаешь! Потом и готовиться сложнее.

— А можно мне свое мнение выразить? — Влад с интересом наблюдал за матерью и отчимом, пока не надоело. — Конечно, в армию я не хочу. Но МГУ выбрал даже и не потому, что там военная кафедра есть, а потому, что хочу заниматься биохимией.

— Ты уверен, что поступишь? Знаешь, какой там конкурс? — обеспокоенно спросила Алка.

— Если ты устроишь меня в МГИМО, я не против, — безразлично отозвался Влад. — Но таких связей у тебя нет, поэтому пойду туда, куда решил еще в восьмом классе. На девяносто девять процентов уверен, что поступлю. Удивляться будем, если не получится. Ну а повестку надо постараться не брать. Это же просто! Могу вообще на даче отсидеться и ходить только на экзамены. А туда никого, кроме абитуриентов и преподавателей, не пускают!

— Он поступит, поступит! — Дашка, с обожанием глядевшая на старшего брата, запрыгала от волнения. — Он умный, все в школе так считают! Я гордюсь Владом!

— Горжусь, — поправила ее молчавшая до сей поры бабушка. — Пусть мальчик делает так, как считает нужным. Если что и не получится, так все мы были молоды, все делали ошибки.

— Однако не всем они прощались, — не удержалась Алка.

Нина Алексеевна предпочла не вступать в пререкания, лишь по привычке, как маленького, погладила Влада по голове.

Как Влад и предполагал, он без особых трудностей сдал на отлично вступительные экзамены и стал студентом МГУ. Даша, можно сказать, достигла к тому времени подросткового возраста. Любящая бабушка согласилась на совместное проживание с «егозой», а Влад вскоре занял отдельную отремонтированную комнату. Когда со всеми ремонтами было покончено, Алка с Ниной Алексеевной и Дашей отправились в Сибирь, навестили могилу отца, привели ее в порядок. Ради экономии жили не в гостинице, а разбрелись по знакомым. Нина Алексеевна жила у своих, Алка с дочкой — у Светланы, давней школьной подруги.

* * *

Школьные и университетские подруги не раз совершали наезды в столицу. Обычно они урывали день-другой после командировки или какого-нибудь семинара и оставались в Москве, чтобы успеть посетить театр или выставку и пробежаться по магазинам в поисках дефицитных товаров. Как правило, одну ночь они проводили у Алки, но за один вечер трудно было поговорить по душам, да и у Алки была вечная нехватка времени. Теперь Светлана была рада, что может принять Алку у себя и пригласить двух бывших одноклассниц в гости. Настроение у всех было прекрасное, как и накрытый с любовью стол. Поскольку Алка приехала без Юрия, мужей решили не приглашать, да и к чему слушать мужчинам женскую болтовню, когда столько времени подруги не виделись? Эта встреча своим почти юношеским настроением напоминала молодые годы, разве что далеко не студенческая закуска и бутылка дорогого вина свидетельствовали о неплохом достатке взрослых женщин. Было о чем поговорить, несмотря на то, что трое остались жить в родном городе, но, как это и случа-

ется чаще всего, встречались редко. Разные места работы да плюс семейные дела — как-то не до посиделок. Поэтому искренне радовались встрече, и Алка, как ни говори, оказалась связующим звеном. Разговорам не было конца, хотя каждая или знала, или слышала что-то о бывших одноклассниках. Но Светлане тем не менее удалось удивить дружную компанию. По образованию она была химиком, работала в одном из вузов и лет десять тому назад защитила кандидатскую. И вот выяснилось, что успешная Светлана не прочь была покинуть обжитые стены вуза, где много лет преподавала, и заняться совершенно другими делами.

— Но ведь ты докторскую готовишь! — Алка была изумлена.

— Готовила, — поправила со смехом Светлана. — Ну и что? Я тоже хочу, как ты, жить в большой квартире и только с мужем, дочь отделить. На все это денежки нужны, не мне тебе рассказывать! Разве в Москве своей не чувствуешь — меняются времена. Горбачев говорит...

— Ой, не хочу об этом, — перебила Алка, — и не вижу, чтобы что-то уж так менялось. Хотя...

— Вот именно, хотя... Прикинь: с жильем у тебя все получилось, имеешь «сталинку» в центре! Ну, нам и здесь неплохо, только тесновато, глядишь, скоро внуки появятся. А к внукам лучше в гости ходить, чем жить вместе!

— Света, не обижайся, тебе не понять, — Алка решила сказать не очень приятное. — Тебя родители в свое время обеспечили. А мне самой пришлось добиваться своего благополучия. Так что у нас с тобой по-разному складывалось. И уж не обессудь, поскольку тебе родители помогли, за все эти годы вы могли бы и поднакопить дочери на кооператив.

— Ну вот не получилось, не умеем, как ты, — нисколько не обиделась Светлана. — А сейчас, говорят, настанет наконец время, когда позорное слово «спекулянт» заменят нормальным, соответствующим действительности! Предприниматель, к примеру!

Женщины разволновались. Каждая что-то знала или что-то слышала.

— Ну да, — вмешалась Алка, — у нас уже есть какие-то лавочки, хлеб своей выпечки продают, еще там что-то делают... Точно не знаю, некогда.

— Некогда, потому что подпольным репетиторством занимаешься? — Светлана беззлобно засмеялась.

Алка тоже решила на колкости не реагировать:

— Да, живу этим. Но ведь это не спекуляция! Моя московская подруга утверждает — недалек час, когда и в самом деле возникнут частные конторы, и тогда...

— Вот видишь, Светка права, — вступила в разговор Надежда. — А что думает наш экономист, наша Елена прекрасная?

— Думаю, что-то изменится, и очень серьезно. — Лена помолчала. — А вообще, девчонки, знаете, где мой работает, поэтому больше не скажу ничего. Государственная тайна!

Разошлись поздно, и вот так, вчетвером, больше не виделись никогда, хотя в тот вечер никто не сомневался в том, что их встреча была далеко не последней.

* * *

Когда Алка приехала домой, то почувствовала сразу: волнение в обществе ощущается в столице гораздо сильнее, чем где-либо. Похоже, и в самом деле назревали события, по масштабности невиданные, во всяком случае на примере Алкиной жизни. Пожалуй, со времен хрущевского разоблачения культа личности такого оживления в обществе не наблюдалось. Кто-то, как Юрий, радовался намечающимся переменам, кто-то опасался их и не верил ни одному слову многочисленных новых политиков, лица которых возникли на экранах телевизоров и страницах газет, а кто-то призывал к немедленным действиям во славу нарождающейся демократизации общества и прочих благ грядущих преобразований. Красивое слово «гласность» звучало на каждом перекрестке, но какими-то конкретными действиями во благо народа пока что не подкреплялось.

На небольшой Алкиной семье новые времена отразились диаметрально противоположными сторонами, если говорить о супругах. Поборник новых идей Юрий, похоже, оставался не у дел. Его предприятие, так успешно продвигавшееся поначалу по стезе преобразований, довольно-таки быстро стало не соответствовать новым стандартам или чему-то там еще. Доказательства это-

му прискорбному вердикту звучали убедительно, тем более что экономисты подтверждали несостоятельность многих подобного рода производств, а на деле выяснялось, что большинству работников светило остаться без места и зарплаты, а также перспективы устроиться куда-либо по специальности. Юрий поутих. Алка, видя его упадническое настроение, не удержалась:

— Твое предприятие на ладан дышит? Так надо понимать?

— Меняются времена, — невесело констатировал Юрий. — Надо бы что-то искать... Но ты не волнуйся, я в любом случае сидеть без дела не буду. Инженеры не нужны, пойду разнорабочим, сил и здоровья пока хватает! Вот у кого с этим делом плохо, тем не завидую.

— Неужели все к тому идет?

— А ты как думаешь? Вот и Ларискин мужик, по-моему, не у дел. Тоже инженер. — Заметив Алкино беспокойство, добавил. — Ладно, в столице не пропадем!

Алку несколько озадачили предчувствия супруга:

— Юра, но в случае чего можно заняться той же куплей-продажей. Это тоже труд! Так теперь говорят! И кто ты такой, в конце концов? Рядовой инженер...

— Вот уж нет! Я рядовой — да, в этом ты права, но инженер, не забывай!

— Это что? Мы бедные, но гордые? Или лучше в дворники?

— Для меня даже и вопросов нет, конечно, в дворники. В случае чего, как ты говоришь, пойду куда угодно, только не перепродавать.

Алка задумалась. Надо же, какие сюрпризы не устает преподносить жизнь. Вот она, к примеру, в отличие от Юрия, совершенно и не думала ни о каких переменах и гласности. Но теперь оказалась в числе немногих, мечтавших расстаться с местом, где с сотрудниками расплачивались деньгами из бюджета. Неужели, как уверяла Лариса, когда-нибудь окончится работа «от» и «до», исчезнет ощущение ее ненужности, а возможно, и сам НИИ прекратит свое существование, а заодно и подобные ему структуры?

— Вот это дела! — воскликнула Алка, допивая кофе в давно облюбованном кафе, где они обычно встречались с Ларисой. — Тебя слушаешь,

так и не верится даже. Неужели вся эта говорушня закончится не только потерей работы Юрия? Неужели и что-то стоящее появится?! А как осточертела эта никому не нужная работа. Вначале иллюзии какие-то были, но сейчас... И за что у нас в НИИ деньги платят? Куча блатных бездельников! Не знают, куда себя девать с девяти утра до шести вечера!

— Да ладно, не кипятись, — успокоила Лариса, — ты ведь в школу не пошла, где отнюдь не бездельники работают. Не знаешь, что это такое — за копейки детей учить и еще отвечать за каждого. Зато хороший трамплин у тебя по части языков имеется. Думаю, даже уверена, перемены будут в нашу пользу. А инженеры... Этот институт разрушается. Потом пожалеют. Но ничего не сделаешь, пусть твой Юрий в дворники идет, пока места не заняты, — Лариса поняла удивленный Алкин взгляд. — Шучу, конечно. Пока шучу. Однако дело его незавидное. А тебя буду держать в курсе, ты нам нужна. Я вот тоже мечтаю со школой расстаться, поработать исключительно ради денег, но и не без интереса. Сколько можно эту учительскую лямку тянуть!

На прощанье Лариса рассказала, что по слухам из достоверных источников известно: недалек тот день, когда наконец-то дадут возможность создавать частные фирмы и агентства, работники которых смогут в новых структурах отрабатывать трудовой стаж, брать заслуженный и узаконенный отпуск и не держать, как сейчас, в полусекрете свой дополнительный заработок, боясь потерять бюджетное место.

* * *

Время двигалось и двигалось вперед. Даша, как и Влад, хорошо училась, вполне сносно вела себя, в общем, таких хлопот, как с Владом, не было. Но сын... Алка уже в течение нескольких дней не могла забыть последнего разговора с ним, потому что пришло время решать едва ли не самую сложную проблему в жизни. С таким трудом построенная крепость давала трещину, не подлежащую ремонту.

Все началось с того, что однажды Влад привел в дом свою новую девушку Юлю, с которой познакомился в студенческой компании. Весьма приятная внешне, она была модно и дорого оде-

та, держалась свободно, но вполне пристойно. В общем, располагала к себе. Прежняя пассия по настоящую Алки была давно покинута.

— Не хочешь переехать в отдельную квартиру? — после того как Влад проводил Юлю и вернулся домой, осторожно спросила Алка сына. — Срок договора с квартирантами заканчивается, а у тебя как раз девушка появилась.

— С чего бы мне туда перебираться? — невозмутимо ответил Влад, как будто ожидавший вопроса. — Учусь в центре, можно сказать, и вырос здесь, а теперь на выселки, что ли?

— Давайте я туда уйду, — тут же предложила Нина Алексеевна. Она всегда допоздна поджидала Влада и не ложилась спать до его прихода. — Пускай дети будут каждый в отдельной комнате. Дашенька большая уже, о ней тоже подумать надо.

— Подожди, мама, — прервала Алка. — В твоём возрасте жить одной не годится. А вот Владу в самый раз. Слава тебе, Господи, есть приличная девушка, наверное, станет женой Влада. Я просто не понимаю, как можно отказываться от отдельной квартиры?

— Очень просто, — сын обращался уже ко всем. — Сдавайте свою квартиру снова, мне и здесь хорошо. Может, Юрию хочется избавиться от меня поскорее? — Влад с усмешкой взглянул на отца, допивавшего вечерний чай. — Тогда знайте: я таких планов пока не имею. Кстати, не думаю, что Дашка, когда подрастет, захочет жить черт знает где...

— Ты что, говорил с ней на такие темы? — искренне удивилась Алка. — Она маленькая еще!

— Почему маленькая? — возразил Влад. — Подросток. Самое время подготовить родителей к своему вступлению во взрослую жизнь.

— Вы что — заодно с ней? — встрял в разговор Юрий. — Вот уж не думал. Впрочем, однокомнатная квартира моей мамы перейдет в свое время к Даше. Дочка, уверен, пока и не думает об этом, в отличие от некоторых...

— Почему же не думает? Слушая нас и учитывая мой детский опыт, когда я жил то здесь, то там, прикидывает, что к чему. Спасибо за чай. Пойду спать, завтра рано вставать. — Влад поднялся из-за стола. — А продавщица та, между прочим, вышла замуж. Случайно узнал, сейчас с Юлей встретили ее. Неплохо выглядит, и муж ничего.

Он ушел к себе, оставив семейство в растерянности.

— Ладно, — первой очнулась Алка, — время еще не пришло, позже обсудим и, я уверена, уговорим Влада жить отдельно.

— Но почему именно Влада? — с обидой возразила Нина Алексеевна.

— Мама, ведь говорили не раз об этом, не тебе же уходить от нас!

— А я и уйду, лишь бы ему хорошо было!

— Давай на «потом» отложим, — уже с раздражением отвечала Алка.

«Потом» не заставило себя долго ждать. Буквально через пару месяцев после неприятного разговора, когда все, казалось бы, утихло, Влад снова привел домой Юлю. На этот раз беседа проходила в ее присутствии. Алка предложила чашку чая, чувствуя, что Юля пришла не только для того, чтобы поговорить на общие темы. Как бы между прочим девушка в нескольких словах изложила свою нехитрую историю. Жила и училась в небольшом городе, родители вполне приличные люди, отдали сообразительную и хорошо подготовленную дочку в школу в шесть лет. Поэтому уже в шестнадцать Юля стала студенткой, сейчас готовится к преддипломной практике, а после окончания вуза намеревается остаться в Москве. Алка не могла не задать вопроса по поводу последнего замечания Юли.

— У вас есть где жить в столице? — осторожно спросила она.

— Будет, — светло улыбнулась Юля. — Влад, скажи теперь сам.

— Мы подали заявление о регистрации брака. — Он посмотрел на присутствующих и, заметив общую растерянность, добавил: — Свадьбы нам не надо, отпразднуем скромно и весело с друзьями в общаге, а жить хотели бы в моей комнате.

— Но ведь есть отдельная квартира!.. — Алка побледнела. — Мы тоже имеем право на свое мнение!

— Вы не совсем знаете законодательство, — Юлин голос звучал мягко и убедительно. — Влад имеет такое же право на эту жилплощадь, как и все остальные. Я не прочь уйти в отдельную квартиру, но он не хочет жить далеко от центра. Говорит, будет ребенок, а там детская

консультация очень далеко от дома, да и все остальное тоже.

— Но это просто невозможно! — Алка была вне себя.

— Мама, успокойся, — примирительно заметил Влад. — Ты в свое время не хотела менять коммуналку на отдельную квартиру вдалеке от центра? Вот и я не хочу. И потом не забывай, вся она досталась вам потому, что есть я и Дашка. Иначе не получилось бы у вас с Юрием ничего с этой жилплощадью.

— Вот именно, — подтвердила Юля. — Родители получают жилье в расчете и на детей, а потом говорят им: вы на эту жилплощадь не имеете права! Несправедливо как-то получается. Ведь квартира-то государственная, это не частный дом, откуда и выселить можно!

— Вы, Юля, не знаете, с какими трудностями нам пришлось столкнуться, когда мы получали и зарабатывали на все это! — Юрий не выдержал и тоже вступил в дискуссию.

— Почему же, я все рассказал Юле, она в курсе. — Влад был удивительно спокоен. — Но дело все в том, что мы так не умеем.

— Это как — так? — Алка боялась не сдержаться и наговорить колкостей.

Но по части колкостей Влад опередил:

— Да так — локтями расталкивать. Может, со временем научимся. — Он помолчал. — Думаю, когда научимся, тогда и освободим вас от нашего присутствия.

Спустя некоторое время Влад привел Юлю в свою комнату. Алке показалось, что девушка несколько изменилась. «Неужели беременна? — в ужасе подумала она. — Неужели это и есть кульминация всей истории завоевания жилья в столице?..»

* * *

Настала весна, с ветрами, холодными дождями и неестественно ярким солнцем. Алке становилось тяжело переносить это время года, зато Юрий на выходные, а позже и во время отпуска отправлялся за город на дачу, подальше от дома. Нина Алексеевна старалась во всем помогать внуку, убирала за ним и Юлей, варила им, готовила завтраки.

Алка, не зная, чего ждать, несколько месяцев

находилась в подавленном состоянии. Трудно жилось с новыми соседями. Но наступил момент, когда она почувствовала, что брожение в обществе достигло апогея — теперь это касалось и лично ее. Такого еще не бывало. Теперь и она хотела перемен, чего бы они ни принесли. Всё лучше, чем наблюдать, как рушится то, что так долго строила. Так пусть уж все ломается, меняется, не важно, к худшему или наоборот. Выступления политиков, пресса, споры на рабочих местах и кухне — все пришло в небывалое движение, закончившееся августом 1991-го.

«Первой ласточкой», принесшей весть о долгожданных переменах на бытовом уровне, оказалась Светлана, прибывшая в Москву зимой переломного года в небывало приподнятом состоянии.

— Наконец-то и наше время пришло! — воскликнула она, шумно приветствуя Алку и Юрия. — Сколько новостей... По телефону не расскажешь! Хотя что вам-то рассказывать? Вы тут в самом центре! Ну а я расскажу про нас. Знаю, все комнаты заняты, поэтому остановилась в гостинице, не пугайтесь.

— Опять семинар? — поинтересовалась Алка.

— На сей раз нет. Я свободная и небедная женщина. Плачу за гостиницу сама!

Затянувшийся ужин напоминал моноспектакль, где единственную роль исполняла Светлана.

Поскольку вся столица в последние месяцы являла собою бурлящий рынок с возникающими невесть откуда магазинами и магазинчиками, какими-то наспех оборудованными торговыми точками, многочисленными продавцами-одиночками, наводнившими вокзалы и прочие места скопления людей, удивить Алку чем-либо подобным на провинциальном уровне было трудно. Другое дело — сама Светлана, покинувшая, как она и мечтала, стены вуза и бросившая силы на ниву купли-продажи дефицита, за которым она и явилась в Москву.

— Работу ты оставила, а тряпки, глядишь, и у вас появятся когда-нибудь в изобилии, — Алка и подруга давно сидели на кухне вдвоем, Юрий и Нина Алексеевна разошлись по своим комнатам.

— Ну и что, — возразила Светлана, — пока появятся, приобрету такую же хату, как у тебя! Дочери свою оставлю, а работа... Кто теперь

займет мое место при нынешних-то возможностях? В случае чего обратно примут! Ведь не секрет, бывшие нищие специалисты разбегаются кто куда!

— Может быть, вас слишком много было? Только не подумай, что я тебя имею в виду, — спохватилась Алка.

— Да хоть и имеешь! — рассмеялась Светлана. — А ведь ты права, может, и много. Помнишь, как в колхозы отправляли помогать урожаем собирать? Были бы нужны, не отправляли бы!

— Ну, тут уж ты и не совсем права, — возразила Алка. — Просто народу в колхозах не хватало. А сейчас еще неизвестно, что с деревней станет.

— Ну вот! Давай не будем, не то разругаемся. Я вот что скажу — если бы ты сделала все сейчас, а не раньше, то твою квартиру при твоей жизни никто не делил бы и отправила бы ты своего Влада «на высылки», как он изволил выражаться. Ведь так?

— Конечно, — вздохнула Алка. — Ну, ты знаешь, внучка у меня теперь есть.

— Знаю. Думаю, со временем этот вопрос уляжется. Ну, не тебя учить. Главное, не упустить момент, когда примутся и за квартиры. А как Юрий?

— Пока без работы, — пожаловалась Алка. — Признаюсь, не думала, что так обернется, когда за новую власть голосовала. Думала, наоборот, помогут тем, кто в состоянии принять новые условия. Таких, как Юрий, много. Сейчас временно устроился.

— А ты?

— У меня все отлично. Распрошлась с НИИ, работаю в частной фирме. Зарботок прекрасный, и скрывать ни от кого ничего не надо.

— Вот видишь! — Светлана поднялась из-за стола. — Не все так плохо. Ладно, завтра улетаю. Надо еще большой багаж оформить. Если так дело пойдет, магазин открою.

Алка действительно оказалась в числе пока еще немногих, кто без сожаления расстался с местом, где платили зарплату из бюджета. Они с Ларисой были в руководстве новой организации, где финансовые отношения с государством строились на совершенно иных принципах, чем это было раньше, практически всегда, если учитывать возраст обеих женщин.

Было интересно и трудно, а перспективы на будущее окрыляли вчерашних «подпольщиц». Дома пришлось смириться с присутствием еще одной семьи, хотя в быту отношения складывались плохо. Аккуратная и чистолюбивая Алка, по мнению сына, придиралась к невестке, что закончилось покупкой молодыми электроплитки, на которой они готовили себе еду в своей комнате. Связующим звеном, как и следовало ожидать, стала Нина Алексеевна, пытавшаяся, и не всегда безуспешно, как-то сохранять хрупкое равновесие в семье, она же и помогала молодым с ребенком.

Алка полностью ушла в новую работу, приносящую неплохой доход, и снова размышляла о том, как бы поменять квартиру «на высылках» куда-нибудь поближе. В новых условиях многие барьеры в этом плане снимались, и теперь, говорили, можно будет производить обмены с доплатой на вполне законном основании. Если так, то сын согласится на переезд с выпиской из Алкиной квартиры. А пока выходило так, что и невестка, и ребенок — все не только жили, но и прописаны были у Алки по закону, которым молодежь и воспользовалась.

Когда на очередной семинар приехала Надежда, говорили и об этом. И о многом другом — тем теперь было предостаточно. О Светлане не то чтобы сплетничали, просто для Надежды оказался новостью ее уход из вуза. Она была крайне удивлена, хотя перемены в своей жизни Светлана уже давно прогнозировала сама, не скрывая ни от кого.

— Все-таки бросила институт! — воскликнула подруга, узнав о причинах последних приездов Светланы в Москву. — Жаль. Говорили в свое время, что хорошая защита у нее была.

Алка кивнула в знак согласия и вдруг заметила, что Надежда не так уж и плохо выглядит, во всяком случае получше, чем раньше, и одета вроде прилично. Какое-то неприятное чувство шевельнулось внутри, и Алка неожиданно для себя самой вспыхнула:

— А что толку от этой защиты? Я, например, побольше тебя зарабатываю, хотя учились мы на равных. Ты вот едешь в Москву на халяву, а мы на разные там поездки сами зарабатываем! Уж и в Европе побывали!

Надежда опешила.

— При чем здесь халява? — воскликнула она. — Ты очень устала от домашних неурядиц. Успокойся. Прямо не узнаю тебя. А на семинарах я работаю, отчитываюсь потом. А вот на нормальный отдых, который ты себе можешь позволить, у нас в семье денег действительно не хватает. Так что справедливость все-таки есть. Впрочем, каждому свое.

— Вот именно, — подтвердила Алка, успокоившись. — А с квартирой как?

— Где-то полтора десятка лет в очереди простояли, в числе последних что-то получим. Успеем, — подруга удовлетворенно улыбнулась, — теперь, говорят, и очередей никаких не будет. Пока стояли, сын вырос. Так что, когда получим, сына туда, тем более жениться собирается. А мы уж с родителями останемся, куда им теперь одним жить. Мама болеть стала, не оставаться же ей с пожилым отцом и внуком. Может, и хорошо, что так сложилось.

— В общем, в родной двушке остается, — уточнила Алка и добавила с плохо скрываемым сарказмом: — Действительно, хорошо, лучше уж и некуда, — увидев обиженное лицо подруги, спохватилась: — Прости, Надя, замоталась я совсем, располагайся как обычно, посидим еще. Расскажи, что за семинар.

— Да по общественной работе. Занялась вот...

— Ничего себе! Вот это новость! — Алка удивленно подняла бровь. — А кто это вас оплачивает, дорогу, гостиницы, кормежку в ресторане? Чем хоть занимаетесь?

— Проблемами женского движения, — пояснила Надя.

— Эмансипэ? — в голосе Алки послышалась неприкрытая усмешка.

— Не иронизируй. Мы ведем речь о равных возможностях с мужчинами в плане оплаты труда, приеме на работу, участии в государственных структурах...

— Рулить, значит, тоже хотите, но кто же все-таки платит?

— За всех не скажу. А вот наша организация получает деньги из иностранных фондов, — ответила Надя с гордостью.

— Тогда понятно, — развела руками Алка. — Если наши не дают на хорошее дело, так почему же не взять от чужих? Наверное, можно. Дело хозяйское, но я не взяла бы. Кстати, о свободах,

которых мы как бы лишены. — Заметив недовольство Надежды, Алка добавила: — Многих и в самом деле лишены. Согласна. Но не об этом речь. Так вот мне рассказывали, что во многих европейских странах мужчины в случае развода платят пожизненно бывшей жене алименты. Вот поэтому они долго не женятся, общаются «просто так», что и до нас постепенно доходит. И самое интересное — западные женщины, которые нас учат теперь, как быть свободными, я ведь тоже интересуюсь кое-чем, соглашаются с этими выплатами, несмотря на то, что могут себя обеспечивать сами.

— Ну, не все так уж однозначно, не буду сейчас рассказывать. Но общественников много, занимайся тем, что по душе, если женские инициативы не твое, — пожала плечами Надя.

— За то, что по душе, денег не дождешься, поэтому обойдусь я пока без общественных инициатив, — завершила тему Алка.

— Не узнаю тебя! Ты не рада нашей встрече?

— Ой, прости, — спохватилась Алка. — Трудно мне. Думаешь одно, стремишься к чему-то, а потом выясняется, что стремиться следует до гробовой доски. Давай располагайся в нашей комнате. Я ведь штору, которая делила нашу комнату, помнишь, снова восстановила. Когда кто-то приезжает, ночуют за занавеской, как и раньше. Так что отменяй гостиницу на сегодня, оставайся.

Надежда согласилась.

* * *

Какие-то мелкие недомогания возникли совершенно неожиданно и как будто незаметно. Поначалу Алка, будучи от природы человеком здоровым, не обращала на них внимания, просто однажды пожаловалась Юрию, но он тоже значения жалобам не придал. Возможно, потому, что оба все годы совместной жизни обходились без больниц и поликлиник. И хотя Нина Алексеевна настоятельно советовала показаться врачу, Алка не послушалась. Из-за чего идти? Из-за того, что нечаянно сорвала родинку на ноге ниже колена? Кровь сочилась сначала сильно. А потом еще два дня в виде еле различимых пятен на коже. Разными домашними средствами и этот процесс удалось

остановить. Смушало только, что слишком долго он тянулся. А пришла бы в поликлинику, так и чистить малюсенькую ранку начали бы, обезболивающее, естественно, не дали бы, о чем Алка думала с содроганием. Когда совсем недавно пришлось впервые в жизни удалять зуб, так и не довела дело до конца. Никакой наркоз не действовал, хотя несколько уколов сделали. Отходил наркоз дома в течение целых суток. «Трусиха ты, — сделал вывод Юрий, — из-за этого и уколы не подействовали». Была еще причина не обращаться к медикам. В новых частных структурах не приветствовались больничные листки. Конечно, ее опыт и знания ценились, однако работавшая бок о бок с Алкой молодежь была перспективнее, у них все только начиналось, они не болели.

— Вы несколько затянули, — сказала врач, когда Алка решила все-таки показаться сначала терапевту. — Не обратились к нам вовремя. Смотрите сами — ранка как следует так и не зажила, а вы и душ принимаете, и на работу ходите... Разве можно так к собственному здоровью относиться? Я дам направление к специалисту.

— К какому? — взволнованно поинтересовалась Алка.

— Не пугайтесь. К онкологу. — Заметив полное замешательство пациентки, врач добавила: — Это я так считаю, но онколог может опровергнуть мое предположение. Сдавайте пока анализы.

— Неужели все настолько безысходно? — упавшим голосом произнесла Алка.

— Случай, думаю, не из легких.

Алка еле дождалась визита к специалисту. Выслушав ее и просмотрев результаты анализов, врач, средних лет мужчина, поинтересовался, чем болели Алкины родные.

— Это на предмет наследственности? — спросила Алка.

— Именно так.

— Мама жива, отец умер от онкологического заболевания.

— Я так и подумал, — удовлетворенно заметил врач, испытующе поглядев Алке в глаза.

— Что это значит?

— Значит, что в вашем возрасте даже когда ничего не болит, следует хотя бы раз в год пройти диспансеризацию. Вы когда у нас были до того, как пришли по поводу родинки?

— Не помню, — призналась Алка. — У меня даже карточки в поликлинике нет.

— Вот видите. Вы часто нервничаете?

— Этого хватает, — Алка задумалась. — Мне работать можно?

— Смотря какая работа. Лучше уволиться. И пусть ваш муж зайдет. Не волнуйтесь так. Будем советоваться со специалистами из больницы относительно вашего случая. Если мои предположения подтвердятся, то, скорее всего, предложим операцию

— Операцию? — ужаснулась Алка.

— К сожалению, миллионы людей проходят этот путь, — врач с участием посмотрел на нее. — Пока не расстраивайтесь. Операция — это если не удастся спасти вашу конечность. Но сначала попробуем другое, хотя... не так много времени осталось для раздумий.

Вернувшись домой, Алка без сил упала на кровать. Она долго рыдала, а в последующие дни заметила, что дома, после того как Юрий посетил ее лечащего врача, прекратились шум и споры. Оказывается, и так можно было существовать. Даже Влад перестал выяснять отношения с Юрием, невестка стала аккуратней, и Нине Алексеевне уже не приходилось постоянно мыть за молодыми посуду или стирать одежду ребенка.

«За что? — кому-то невидимому задавала вопрос Алка. — Что я такого сделала, отчего судьба настолько несправедлива ко мне?» Ответ дала одна мудрая старушка, с которой Алка познакомилась в очереди, когда сдавала анализы. Старушка сказала: «Никогда не ищи причину своих бед. Причина сама тебя найдет!»

Всего через пару месяцев все-таки пришлось согласиться на операцию. Онкология побеждала. После выписки из больницы, дома, появилось невероятно много тянувшегося до бесконечности времени, которое Алка старалась заполнить воспоминаниями или просмотром телепередач, от которых, как и от чтения, быстро уставала. В какой-то момент она поняла, как плохо знала мужа, как однозначно воспринимала его с помощью ею же придуманных клише. Впрочем, на близких вообще времени никогда не хватало. Взять даже совсем и не родственницу Юлию. Оказалось, без нажима она не так уж и плохо ведет домашнее

хозяйство и, если бы не Влад, с тем же успехом управлялась бы в отдельной квартире. Кстати, этой квартирой начала интересоваться Даша. Она заявила, что, как только станет совершеннолетней, уйдет туда, и не только потому, что надоело жить за занавеской.

– Ну, это когда бабушке нездоровится, ты ютишься за занавеской, – возразил Юрий. – Можно и потерпеть иногда.

Но Даша пояснила, что дело совсем не в занавеске. Она считала, что самостоятельность, да еще в приготовленной заранее квартире, – это просто здорово. И отдаленный район можно пережить, а если что, так в редких случаях папа поможет. Юрий не спорил, он стоически переносил все, что было связано с новой страницей в его жизни.

Последние два года Алка провела на скромной, построенной руками мужа даче, где и народу меньше, чем в квартире, и воздух чище, и колодезная вода вкуснее водопроводной. Юрий прикупил батареи для обогрева помещения электричеством и также сумел сам по специальным книгам соорудить вдобавок к ним хорошую печь. В их небольшом кооперативе многие проводили на дачах и зиму. Алке такая идея пришла по душе, однако частые визиты к врачам не позволяли находиться на природе постоянно. Но хорошая машина вы-

ручала, Алка могла наблюдать изменения в природе по сути дела весь год. Особенно восхищали чудные ароматы рано расцветающей сирени или настурций, которые теснились до самой осени на нехитрой клумбе перед входом в дом. Юрий сам организовал эту клумбу и высаживал на ней незатейливые цветы, не требующие большого ухода. Особенно умиляли Алку полупрозрачные дни уходящего лета с его шорохами листы под колесами Алкиного кресла-каталки и легким шумом верхушек рябин, тронутым слабыми порывами прохладного ветерка. Все это оставляло в душе не только чувство тихого умиротворения, но и заставляло искренне сожалеть о том, как мало было отдано времени этой музыке запахов и звуков, одной из важных составляющих того, что зовется объемным словом «счастье».

□

Наталья Григорьевна КРАСАВЦЕВА

родилась в Петрозаводске в 1945 г.

Окончила Иркутский госуниверситет, филолог.

Жила и работала на Украине.

В Карелии с 1991 года.

Профессия – журналист.

Печаталась в региональных, российских и зарубежных СМИ.

Автор трех книжек для детей:

«Старая лошадка» (2007), «Паккайне-Морозец» (2009),

«Дедушка, Skype и Outlook Express» (2012).

Член Союза писателей России.

Живет в Петрозаводске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

